

СЛЕДУЮЩАЯ СТУПЕНЬ

Книга первая: Камень

Сергей Артемьев

Сергей Артемьев

Следующая ступень.

Книга 1. Камень

«Автор»

2026

Артемьев С.

Следующая ступень. Книга 1. Камень / С. Артемьев — «Автор», 2026

Андрей Зорин привык чинить сложные системы и держать под контролем всё, что можно разложить на схему. Но однажды в его руки попадает старый дедов камень — и вместе с ним способность, которую невозможно объяснить обычной логикой. Сначала это личная тайна. Потом — способ решить одну из самых дорогих и опасных проблем человечества. А затем — сила, вокруг которой начинают собираться деньги, государство, закрытые проекты, дети с необычными возможностями и люди, готовые ударить не по технологиям, а по тем, кто их держит. «Камень» — первая книга цикла «Следующая ступень»: история о силе, цене контроля и границе, за которой спасение мира может стать новым видом угрозы.

© Артемьев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дедова коробка	7
Глава 2. Тепло под рёбрами	12
Глава 3. Радомет	16
Глава 4. Аффинажник	20
Глава 5. Золотой резерв	24
Глава 6. Ланской	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Артемьев

Следующая ступень. Книга 1. Камень

Пролог

Корабль ещё не привык к собственному имени.

На Земле его называли по-разному: экспедиционным комплексом, орбитальным носителем нового класса, первым дальним разведчиком ресурсных зон. В отчётах — сухо и осторожно: «объект перехода». В новостях — громче: «корабль, который должен спасти цивилизацию от голода технологий». Но люди, собравшиеся в тот утренний час на командной палубе, называли его проще — «Ступень». Не потому, что это звучало красиво. Потому что каждый из них чувствовал: под ногами у человечества действительно появилась новая ступень, и назад с неё уже не сойти.

За прозрачной бронёй обзорного купола медленно уходила Земля. Не так, как её показывали на старых открытках — синей, спокойной, почти игрушечной. С этой высоты она казалась живой и уставшей: облака тянулись над материками, океаны темнели глубокими провалами, ночная сторона ещё держала россыпь городских огней. Где-то там оставались заводы, острова, закрытые лаборатории, спорящие правительства, семьи, могилы и люди, которые до сих пор не верили, что сегодняшний старт возможен.

Андрей Зорин стоял у самой линии купола и смотрел вперёд.

Со стороны могло показаться, что он смотрит гордо. Так и написали бы потом: «основатель новой энергетической эпохи», «человек, открывший человечеству путь за пределы прежних ограничений», «капитан первой ресурсной экспедиции». Андрей знал эти будущие формулировки заранее. Их уже примеряли на него помощники, журналисты, чиновники, историки с нетерпеливыми глазами. Мир любил превращать живых людей в памятники ещё до того, как они успевали понять, кем стали.

Но в тот момент гордости в нём было меньше всего.

Было напряжение. Был холодный расчёт, привычно разложенный по слоям: траектория, энергоузлы, система защиты, автономность, люди на борту, люди внизу, запасные решения, цена ошибки. Было то особое молчание, которое приходит перед шагом, после которого нельзя сделать вид, будто ничего не произошло. И ещё было чувство, с которым Андрей так и не научился справляться до конца: он снова отвечал не за систему, а за живых.

Когда-то он любил системы именно за честность. Если в них была ошибка, её можно было найти. Если элемент не выдерживал нагрузки, его можно было заменить. Если связь рвалась, её можно было восстановить по схеме. Люди были устроены иначе. Их нельзя было просто переподключить, вернуть из резервной копии, перезапустить после сбоя. Потерянный человек оставлял в мире не пустую ячейку, а дыру, вокруг которой потом перестраивалась вся жизнь.

Андрей поднял руку и коснулся груди — не демонстративно, почти незаметно. Там, под тканью формы, под кожей, глубже привычного биения сердца, молчал камень. За долгие годы он перестал быть чудом в простом смысле слова. Чудо — это то, чему радуются. Камень же стал мерой. Силы. Ответственности. Вины. Возможности сделать невозможное — и невозможности отменить то, что уже случилось.

— Готовность по первому контуру подтверждена, — произнёс оператор за его спиной.

Голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно для дня, который потом назовут началом новой эпохи.

Андрей кивнул, не оборачиваясь. Впереди, за тонкой границей расчётов и страха, лежал путь к ресурсам, без которых Земля всё быстрее превращалась бы в поле борьбы за остатки ста-

рого мира. Там, за орбитами, за привычными картами, за пределами человеческой уверенности, их ждали новые материалы, новые источники энергии, новые опасности и новые вопросы. Но сейчас Андрей думал не о звёздах.

Он думал о том, как странно устроена судьба. Люди любят считать, что большие повороты начинаются с громких событий: с войны, открытия, катастрофы, приказа, взрыва. На самом деле всё часто начинается почти незаметно. С неудачно сказанного слова. С чужой насмешки. С детского страха, который взрослый человек годами носит в себе, как занозу. С маленького камня, найденного там, где его не должно было быть. С решения, принятого не героем, не вождём и не спасителем, а обычным человеком, который просто больше не может жить по-старому.

Командная палуба ждала его фразы. На нижних уровнях корабля инженеры следили за показателями. На Земле миллионы людей смотрели трансляцию, не зная, что видят не начало, а следствие. Они видели корабль, готовый уйти за пределы прежнего мира. Они видели Андрея Зорина — человека, который, казалось, всегда знал, куда идти.

А он помнил, что когда-то не знал даже, как произнести вслух нужное слово и не почувствовать стыда.

Андрей медленно выдохнул.

— Начинаем переход, — сказал он.

Корабль дрогнул едва заметно, будто огромная металлическая птица впервые расправила крылья. Земля под куполом стала чуть дальше. Будущее — чуть ближе.

Но эта история не о корабле. Пока — не о нём.

Она о том, как всё началось совсем обыденно: в городе, где никто не ждал чуда; в семье, где копились усталость и молчание; в человеке, который привык чинить чужие системы, но не умел починить собственную жизнь. И о камне, который однажды попал к нему в руки — и сделал следующий шаг неизбежным.

Глава 1. Дедова коробка

Слово «распределённый» Андрей Зорин ненавидел всем сердцем. Оно подкарауливало его на каждой второй планёрке, и всякий раз он чувствовал, как язык в нужный момент чуть-чуть подводит — будто кто-то на долю секунды придерживает его за самый кончик. «Р-распределённый реестр», — выходило у него, и где-то под рёбрами загоралась знакомая лампочка стыда, маленькая и злая. Он был лучшим IT-архитектором в отделе — тем, кто проектирует не здания, а сложные программные системы — держал в голове системы, в которых другие тонули уже на третьем экране, чертил связи, которых никто, кроме него, не видел, и находил дыры там, где все давно махнули рукой. Но стоило встать перед стеклянной стеной переговорок и открыть рот, как тридцатипятилетний Андрей Зорин снова становился вторым «б» классом, над которым посмеивались из-за мягкого, картавого «р». Он давно научился жить с этим. Обходил опасные слова, как обходят лужи, — заранее, не глядя под ноги: подбирал синонимы, перестраивал фразы, а если уж совсем прижимало, коротко замолкал и договаривал жестом.

Коллеги привыкли и не замечали. Замечал только он сам — каждый раз. — Короче, — сказал он, решив, что обойдётся без проклятого слова, — реестр у нас один, а копии везде. Никто не главный — и поэтому подделать нельзя. Меняешь у себя — система у всех остальных пожимает плечами и говорит: «не верю». — Гениально, — отозвался Кравцов с того конца стола, не отрываясь от экрана. — Прямо хоть в учебник. Только заказчику ты так не скажешь, Андрюх. Заказчик любит слова подлиннее и подороже. — Заказчику я напишу, — буркнул Андрей. Кравцов наконец поднял глаза и усмехнулся — беззлобно, по-стариковски, хотя был младше на добрых пять лет. — Жизнь, Андрюх, — это когда тебе надо сказать вслух. Написать всякий может. Андрей промолчал. Он умел молчать так, что собеседнику становилось неуютно за двоих, и Кравцов, поёрзав, вернулся к своему экрану. За стеклянной стеной переговоров бесшумно ходили люди, гасли и зажигались панели, где-то мягко гудела вентиляция — обычный день обычной жизни, из которой Андрей, если бы его спросили, не стал бы менять ровным счётом ничего.

Он не знал ещё, что менять уже начали за него.

После планёрки он ещё несколько минут сидел за столом, делая вид, что перечитывает протокол. На самом деле он открыл пустую заметку и написал одно-единственное слово: «распределённый». Ниже — ещё раз. И ещё. Буква «р» на экране выглядела совершенно безопасной: тонкая палочка, закругление, хвостик. Никакой власти над взрослым человеком она иметь не должна была. Андрей усмехнулся, стёр заметку и закрыл ноутбук. В этом и была главная подлость: письменно он мог построить любую крепость, а вслух спотыкался о крошечный камешек, который никто, кроме него, даже не видел. Работу он любил именно за это: за то, что здесь всё было честно и логично. Система либо работала, либо нет, и если нет — виноват был не злой рок, а конкретная ошибка в конкретном месте, которую можно найти и исправить. Люди так не умели. Люди были ненадёжны, непредсказуемы и то и дело ломались без всякой причины. С системами Андрею было спокойнее.

В тот день он между делом нашёл в чужом проекте ошибку, из-за которой вся система через полгода легла бы намертво — в самый неподходящий момент, как это всегда и бывает. Ошибка была маленькая, глубоко зарытая, такая, что до него её не увидели ни трое авторов, ни двое проверяющих. Андрей не хвастался: молча поправил, дописал строчку в комментарии и пошёл дальше. Голова у него была устроена так, что сама, без спроса, раскладывала любую путаницу на простые ясные части и показывала то единственное место, из-за которого всё рухнет. С людьми этот дар угрюмо молчал. С механизмами — работал безотказно. Андрей и не догадывался, до чего он ему однажды пригодится — и в каком совсем не механическом

деле. До вечера он правил чужой корявый код, дважды переписал спецификацию, один раз сходил за скверным кофе из автомата — и к семи, когда город за окном начал наливаться синевой, поехал домой.

Машины он вёл сам: старую, с настоящим рулём, без автопилота, каких вокруг было уже большинство. Не доверял он, чтобы кто-то — пусть даже умная и стократ проверенная железка — рулил за него, когда речь о его жизни. За это над ним посмеивались почти так же, как когда-то за «р». Он не спорил. Просто вёл сам. Город за лобовым стеклом жил обычной вечерней жизнью — той, которую Андрей знал наизусть и в которой ему было хорошо. Светящиеся ленты реклам текли по фасадам, беспилотные машины шли ровным, вежливым, чуть нездевшим строем, уступая друг другу с механической любезностью, на какую живой человек не способен. Андрей вёл свою старую, ручную, чувствуя руль ладонями, и был в этом потоке, кажется, единственной живой рукой на всю улицу. Мир за последние годы незаметно, по мелочи, оброс удобствами, которые всё делали за тебя, — и так же незаметно приучал не делать самому ничего.

Андрей упирался — не из принципа даже, а по чутью: стоит отдать руль один раз, и однажды окажется, что рулить в твоей собственной жизни уже нечем и некому. * * *

Дома было шумно, тепло и пахло жареной картошкой — то есть всё было правильно. Соня налетела на него ещё в прихожей и повисла на ноге, как маленький, но очень цепкий якорь. Андрей дотащил её на ногу до кухни, делая вид, что не замечает шестилетнего груза, и охая на каждом шагу: «Что-то ногу сегодня тянет, тяжёлая какая-то стала, старая, наверное». Соня заливалась от восторга и не отцеплялась. Из комнаты доносилась приглушённая канонада — Мишка воевал с кем-то по ту сторону планеты и вполголоса, сквозь зубы, комментировал ход боевых действий. — Руки, — сказала Марина вместо «здравствуй», не оборачиваясь от плиты. Но по тому, как она это сказала, выходило лучше всякого «здравствуй». Он подошёл, отцепив наконец Соню, обнял жену со спины, ткнулся носом в тёплый затылок.

Марина на секунду прислонилась к нему — устало и привычно, как прислоняются к стене, которая всегда на месте, — и тут же спихнула локтем: «Руки, кому сказано, и зови этого своего вояку, стынет уже». За ужином выяснилось, что Мишка сегодня подрался. Он сообщил об этом сам, между второй и третьей картошкой, буднично, как сообщают погоду. У него была свежая ссадина на скуле, наливающаяся к вечеру красивым фиолетовым, и очень прямая, очень взрослая спина — спина человека, который заранее готов к тому, что его не поймут, и всё равно поступит по-своему. Марина ахнула, потянулась к ссадине — Мишка увернулся. Соня замерла с вилкой у рта, переводя огромные глаза с брата на отца и обратно: запахло крупным взрослым разговором. — И из-за чего? — спросил Андрей ровно, не повышая голоса и не откладывая вилку. — Лёшку Гайнутдинова в раздевалке зажали. Двое. Он маленький, — Мишка пожал плечами, будто этим всё объяснялось.

Впрочем, для него этим всё и объяснялось. Марина открыла было рот — про директора, про родителей тех двоих, про «можно же было словами», про то, что драться нельзя, — но Андрей едва заметно качнул головой, и она, глянув на него, замолчала. Они умели говорить вот так, без слов; за двенадцать лет научились. — Ты начал? — спросил Андрей. — Нет. — А мог пройти мимо? Мишка подумал. Он был честный мальчишка — честный до неудобства, — и это Андрей ценил в нём больше всего и больше всего за это боялся. — Мог, — сказал наконец Мишка. — Их двое было, здоровые. Мог пройти. Но тогда бы я потом сам себя... ну. — Он не нашёл слова и снова пожал плечами. — Ну, — согласился Андрей. Он не стал говорить, что драться плохо. Это Мишка и так знал — им это в школе повторяли каждый день, красиво и правильно. Он не стал говорить и что драться хорошо — потому что это было бы неправдой, а неправде в этом доме Андрей место старался не давать.

Он просто положил сыну на тарелку лучший, самый золотистый и хрусткий кусок и сказал:

— В следующий раз сначала зови взрослых. Всегда. Понял? Если рядом есть взрослый — беги за ним, это не трусость, это ум. А если взрослых нет и ждать некогда — тогда делай, как сделал. И сразу домой, ко мне. Что бы ни вышло — я разберусь. Всегда. Это моя работа. Мишка кивнул — коротко, по-мужски — и принялся за картошку с аппетитом окончательно прощённого и понятого человека. Соня, убедившись, что грозы не будет, снова застучала вилкой. Марина под столом нашла ногой ногу мужа и легонько прижала — то ли укоряя, то ли, наоборот, соглашаясь; Андрей так и не понял, и это было хорошо, это было по-семейному. Сам он тоже не до конца понимал, правильно ли сейчас всё сказал. Он вообще редко бывал уверен, что поступает правильно, — с людьми, в отличие от систем, не было спецификации, по которой можно свериться.

Он просто старался поступать так, чтобы потом не стыдно было смотреть этим двоим в глаза. И пока что это работало лучше любых правил.

За ужином Соня, уже совершенно забыв про братову драку, объявила, что в выходные их класс зовут в аквапарк. Марина машинально сказала: «Посмотрим», а Андрей слишком быстро ответил: «Нет». Слишком резко, даже для себя. Соня обиженно надулась, Мишка вскинул глаза от тарелки, Марина ничего не сказала — только посмотрела внимательно. Андрей заставил себя улыбнуться и смягчил: «Не нет. Просто там народу будет полно. Давай лучше в бассейн, где тренер и дорожки». Соня подумала, решила, что бассейн тоже победа, и кивнула. А у Андрея между лопатками ещё долго стоял холодок, будто кто-то провёл мокрой ладонью по спине. Позже, когда посуду убрали и дети разбрелись — Мишка обратно на свою планетарную войну, Соня строить крепость из диванных подушек, — Марина, вытирая руки полотенцем, спросила негромко: «Ты правильно ему сказал. Про взрослых и про „сразу домой“. Только сам-то ты в детстве за взрослыми бегал?» Андрей помолчал. «Нет, — сказал он честно.

— Не бегал. Потому и говорю». Марина посмотрела на него чуть дольше обычного, будто хотела спросить ещё что-то, — и не спросила. Она вообще умела не спрашивать, и это Андрей ценил в ней едва ли не больше всего. * * *

Приглядывать за своими Андрей умел до болезненности — и знал, откуда это тянется, хотя вслух не говорил никогда, даже Марине. В семнадцать он был не отцом семейства и не архитектором, а восходящей звездой. Мастер спорта по гимнастике, тренер в открытую, при всех прочил его в чемпионы; впереди лежала прямая, сияющая дорога, которую видно на годы вперёд, — сборы, разряды, помост, флаг. Он жил залом, дышал залом, и всё остальное было лишь фоном, необязательным приложением к главному. А потом он свернул с этой дороги сам, в один-единственный день, и в спорт больше не вернулся — ни через год, ни после. В то же лето не стало его младшего брата, Лёшки.

Как одно связано с другим, Андрей не рассказывал никому и никогда — ни ребятам из зала, ни Марине, ни самому себе, если получалось. Но связано было намертво, наглухо, на всю оставшуюся жизнь. И с тех пор он всегда, каждой клеткой, старался оказаться там, где нужен своим, — будто платил и платил по счёту, который никогда не закроется. За это над ним не смеялись. Про это просто не знали. Марина знала только, что муж не любит воду и никогда, ни разу за все годы, не ходит с детьми на реку — придумывая всякий раз новую причину. Она давно перестала спрашивать. А Соня с Мишкой не знали и этого. Пусть, думал Андрей. Пусть у них будет отец, который просто всегда рядом, — без объяснений, откуда это в нём. Объяснения — его ноша, и таскать её он будет сам.

Утром Марина оставила на кухонном столе визитку логопеда — не демонстративно, без нажима, просто рядом с чашкой. Андрей собирался сделать вид, что не заметил, но не смог: такие мелкие заботливые ловушки у неё получались безошибочно. На визитке было написано «коррекция речи у взрослых», и от этого почему-то стало особенно неловко. Взрослый человек, двое детей, ипотека закрыта, отдел слушается — а он всё ещё ходит исправлять букву. Он сунул

визитку в карман и пробормотал: «Ладно». Марина только кивнула. Она умела побеждать без победного вида.

✱✱

Про логопеда Андрей вспомнил уже ночью. Точнее, ему напомнила Марина — мягко, в темноте, когда дети уснули, а за окном ровно гудел пустеющий на ночь город. — Ты сходил? — спросила она в потолок. — Сходил, — вздохнул он. — Тётка хорошая, толковая. Говорит, ничего страшного, застарелая привычка, язык ленится в одном месте. Велела... — он усмехнулся в подушку, — велела камешки в рот класть и говорить. Как этот, древний грек. Который у моря тренировался, с галькой за щекой, чтоб его через прибой слышно было. — Демосфен, — подсказала Марина. — Он самый. Набираешь полный рот камешков — и читаешь вслух, громко, чтоб язык работал против помехи, продирался. А потом камешки выплюнул — и говоришь уже чисто, потому что без помехи телу легко. — И ты будешь? — Буду, — сказал Андрей, сам себе не очень-то веря. — Куда деваться. Завтра как раз дедову коробку надо разобрать, всё руки не доходят, мать сто раз просила. Заодно и покамешкаю.

Марина тихо засмеялась в темноте — на слове, которого не существовало, — и вскоре уснула, ровно и доверчиво дыша ему в плечо. А Андрей ещё долго лежал, глядя в потолок, по которому изредка проходили бледные полосы от фар, и думал про деда, которого почти не помнил. Дед умер, когда Андрею не было и двух лет. От него осталось немного: две выцветшие фотографии, орденские планки, имя — Иван, которым Андрея почему-то не назвали, — и упрямая, полушёпотом передаваемая семейная легенда. Будто на фронте Иван Зорин выходил живым оттуда, откуда живыми не выходят. Будто горело и рвалось вокруг всё, а он — нет. «Везучий был, — говорила бабушка, и всякий раз почему-то понижала голос, словно боялась спугнуть. — Заговорённый». И, сказав это, неизменно поправляла на полке маленькую жестяную коробку, к которой строго-настрого не велела прикасаться никому. * * *

Коробка ждала своего часа на антресолях без малого шестьдесят лет и пахла так, как пахнут только очень старые вещи, долго пролежавшие в темноте, — пылью, остывшим железом и чем-то ещё, неуловимым, вроде остановившегося времени.

Андрей снял её вечером следующего дня, сдул пыль, сел за письменный стол под лампой и раскрыл. Внутри всё было переложено пожелтевшей газетой и лежало так плотно и бережно, что рука сама собой стала двигаться медленнее. Он разложил содержимое перед собой. Фотографии: молодой, скуластый, незнакомый человек в гимнастёрке, в котором с трудом, по одним только глазам да упрямой линии рта, угадывался дед. Сложенный вчетверо лист с лиловыми размытыми печатями — не читать же чужие бумаги вот так, наспех. Орденские планки, потемневшие до цвета старых монет. Тяжёлые наручные часы в исцарапанном стальном корпусе — те самые, чей циферблат, Андрей помнил это ещё с детства, в темноте загадочно, зеленовато светился, за что маленький Андрей их и обожал. Бумажный кулёк, а в нём — письма, перевязанные суровой ниткой, читать которые сейчас, при живой ещё матери, было бы всё равно что подглядывать в замочную скважину. Он всё-таки развернул сложенный лист — не письмо, казённую бумагу с печатями, её-то можно.

Наградной, выцветший почти до полной нечитаемости. Сквозь время проступали обрывки: «...под огнём... вынес... не считаясь...». Дальше буквы расплывались в жёлтых разводах. Андрей долго смотрел на них и пытался представить того молодого скуластого человека с фотографии — деда, которого он так и не узнал, — там, под этим огнём, из которого тот раз за разом выходил живым. Странное было чувство: держать в руках доказательство чужой давней смертельной удачи и не иметь ни малейшей возможности спросить, в чём был её секрет. Спросить было не у кого. Дед унёс это с собой — как уносят всё по-настоящему важное те, кто не любит говорить. И на самом дне, в спичечном коробке без спичек, аккуратно, как патроны, — три камня. Андрей высыпал их на ладонь — и невольно задержал дыхание. Камни были

небольшие, с лесной орех каждый, идеально гладкие и круглые — будто не вода их обточила за тысячи лет, а кто-то выточил нарочно, на станке, под один размер.

И они переливались. Не блестили, как отшлифованное стекло, а именно переливались — медленно, изнутри, лениво перетекая из дымчато-серого в зеленоватый, из зеленоватого в тёплый, почти янтарный, и обратно, словно в каждом ворочался и никак не мог улечься крошечный, очень неторопливый закат. В жёлтом свете настольной лампы это ещё можно было списать на блики, на игру граней. Но у камней не было граней. И блики так не делают. И ещё одно, от чего по спине прошёл холодок. Камни были тёплые. Не комнатной температуры, как всё вокруг, — а живой, ровной теплоты, как у чашки, из которой минуту назад отпили. Они пролежали в нетопленном ящике под нетопленным потолком антресолей без малого шестьдесят лет — и были тёплые, будто их только что грели в кулаке. Андрей долго сидел, перекатывая их по ладони, слушая, как они тихо стучаются друг о друга, и в голове ворочалась одна совершенно дурацкая, мальчишеская мысль, от которой делалось разом весело и не по себе.

Вот оно. Вот то самое «заговорённое», из-за чего бабушка всякий раз понижала голос и поправляла коробку на полке. Дед таскал эти камешки в кармане гимнастёрки через всю войну — на счастье, как таскают монетку, пуговицу или зашитую матерью ладанку, — и горело вокруг всё, а он нет. «Глупости», — твёрдо сказал себе Андрей и не поверил ни единому своему слову. Он даже привстал — позвать Марину, показать, пусть тоже подержит эту невозможную тёплую тяжесть, скажет, что ему не мерещится. И сел обратно. Не потому, что не хотел, — а потому, что было в этих камнях что-то, чем не хотелось делиться даже с ней; что-то, что касалось только его и деда, через голову всех прочих поколений. Глупое, стыдное, детское чувство собственника — «моё». Позже Андрей не раз вспомнит этот вечер и этот короткий порыв, который в себе задавил. Может, позови он тогда Марину — и всё пошло бы иначе.

А может, и нет: такие вещи, кажется, всё равно находят того, кого ищут. Он ссыпал два камня обратно в спичечный коробок, а третий — самый ровный, самый тёплый — оставил на ладони. Идеальный. Круглый, гладкий, обкатанный неведомо кем как раз под язык. Демосфен бы оценил, подумал Андрей и сам себе усмехнулся: вот и камешки, тётка-логопед была бы довольна, и в аптеку ходить не надо. Где-то в глубине квартиры сонно, протяжно вздохнула во сне Соня. Ровно гудел на кухне холодильник. Шёл третий час ночи, и завтра рано вставать, и вся эта затея с камнями и греком была, конечно, смешной блажью взрослого, не выспавшегося человека. Андрей хмыкнул, поднёс камень к губам — просто попробовать, просто на секунду, что за ерунда, взрослый же мужик, IT-архитектор, отец двоих детей, — и положил его в рот. Камень был тёплый, и у него был вкус. Слабый, металлический, забытый — как от медного ключа, который в детстве зачем-то держал во рту, — и одновременно совсем, совершенно не такой, ни на что не похожий.

На кухне было тихо так, как бывает тихо только в семье после длинного дня: холодильник негромко щёлкал, за стеной кто-то из соседей передвигал стул, а из детской доносилось сонное сопение. Андрей ещё раз посмотрел на спичечный коробок и вдруг почувствовал странную неловкость. Взрослый мужчина, отец двоих детей, человек, который объяснял банкам отказоустойчивость систем и спорил с подрядчиками о миллионах строк кода, стоял ночью босиком у стола и собирался лечить старый речевой дефект дедовским камешком. Если бы Марина увидела, она бы не засмеялась. В этом и была опасность: она посмотрела бы внимательно, слишком мягко, и спросила бы, почему ему снова понадобилось доказывать, что с ним всё в порядке.

Андрей хотел произнести «р-распределённый», назло, в пустоту ночной кухни, проверить на проклятом слове дедовский метод. Он успел сказать только «р-р». Потому что в этот самый миг камень на языке стал тёплым по-настоящему.

Глава 2. Тепло под рёбрами

Камень вспыхнул. Не обжёг — но язык будто прижали к раскалённой ложке. На одно короткое мгновение. Андрей дёрнулся, втянул воздух — и камень, гладкий, круглый, идеально обточенный под глотку, скользнул назад и вниз. Сам собой. Как живой. Андрей застыл. Он чувствовал, как камень идёт по горлу — тёплой каплей, медленно, неотвратно, — и пропадает где-то под рёбрами. Жар погас. Осталось ровное тепло. Кашлянул. Ещё раз, сильнее, перегнувшись над раковиной. Сунул два пальца в рот — поздно, дешево, без толку. Стукнул себя кулаком в грудину. Камня не было ни во рту, ни в горле — он ушёл туда, откуда не отплывають. Андрей выпрямился, поглядел на себя в тёмное стекло окна. Бледный мужик слегка за тридцать, посреди ночи, на кухне, только что проглотил дедов талисман. Хорошо, что никто не видел. — Молодец, — прохрипел он отражению. — Демосфен. Налил воды, выпил залпом, постоял, подышал. Сердце колотилось, но не от боли — от глупости.

Так. Спокойно. Маленький, гладкий; не ребёнок монетку проглотил — пройдёт, как всё проходит. Завтра... ну, сам понимаешь, завтра. Он поморщился. Главное — Марине не говорить. Иначе скорая, приёмный покой, анализы, светящиеся коридоры до утра, перепуганные дети — и всё это из-за камешка размером с лесной орех. Два оставшихся камня всё так же лежали в спичечном коробке и всё так же тихо перетекали из серого в янтарный — будто и не заметили, что их стало меньше. Андрей закрыл коробок, подумал, снова открыл. На свету лампы камни разгорались ярче, в темноте гасли, тлели исподволь. Он поставил коробок на подоконник, под уличный фонарь. Сам не зная зачем. Подальше от греха и от рта. В спальню он заглянул, не зажигая света. Марина спала, отвернувшись к стене, дышала ровно и доверчиво. В детской посапывала Соня, разметавшись; Мишка лежал по-солдатски прямо даже во сне. Всё было на месте, всё живое и тёплое, и Андрей вдруг с непонятной остротой понял, как ему повезло — и как глупо было бы всё это испортить из-за собственного любопытства.

Спать он лёг в четвёртом часу. И вот что было странно: ему не было ни больно, ни страшно. Внизу живота поселилось тепло — ровное, спокойное, почти приятное, будто он проглотил кусочек солнца, и тот улёгся там на ночлег. «Нервы», — сказал себе Андрей и провалился в сон так крепко, как не спал уже год.

Дальше пошли дни, и дни были хорошие. Подозрительно хорошие. Андрей просыпался раньше будильника — отдохнувшим, и сам злился на эту непонятную бодрость. Тело, забывшее зал без малого двадцать лет, вдруг вспомнило, что когда-то крутило «солнце» на перекладине: в шагах появилась пружина, в плечах — давно потерянная лёгкость. Утром он отжался сорок раз и не запыхался. Хмыкнул. Отжался ещё двадцать. А потом, дурачась, вышел во двор к турнику — и подтянулся столько, сколько не выходило и в двадцать. Соседский пёс смотрел на него с уважением. А тепло в животе никуда не делось. Оно жило там — тихий, тёплый уголёк под рёбрами. Чаще всего Андрей о нём забывал; но иногда, в самый неожиданный момент, уголёк вдруг... толкался. Один раз. Коротко. Как сердце, которое по ошибке завели не там. Были и мелочи. Поначалу Андрей не складывал их в ряд. Разом сдохли новые батарейки в кухонных часах. А наутро не завелась машина — «аккумулятор в ноль», развёл руками сосед с проводами, — хотя с вечера была здоровёхонька.

Андрей списал бы это на невезение и старую проводку, если бы не одно: всё, что садилось и гасло, садилось и гасло рядом с ним. Он гнал эту мысль. Мысль возвращалась. А на работе, наоборот, всё вдруг стало легко. Схемы, в которых он раньше вяз по вечерам, теперь складывались сами, будто кто-то изнутри подсвечивал нужные связи. Кравцов косился через стол: «Ты, Андрюх, никак выспался впервые за пять лет?» Андрей отшучивался. Он и сам не понимал, что с ним делается, и оттого, что не понимал, тревожнее всего и было: с системами

он всегда знал, где ошибка, — а тут ошибкой, похоже, был он сам, и найти в себе то место, из-за которого всё сбоит, никак не выходило. Дома тоже было не по себе. Однажды за ужином прямо у него над плечом мигнула и погасла настольная лампа, к которой он даже не тянулся. Марина подняла бровь — «опять проводка?» — и Андрей неопределённо повёл плечом.

Врать он не любил и не умел, а объяснить не мог; оставалось молчать. И от этого вынужденного молчания в доме будто прибавлялось тени по углам. К концу недели он почти забыл про камень. Почти.

Про обследование напомнил телефон — сухим казённым уведомлением: «Ежегодный профилактический осмотр. Явка обязательна. Талон активен 3 дня». Андрей чертыхнулся. Осмотр он не любил — за очереди, за казённые коридоры, за стадо одинаково недовольных людей, согнанных в одно место законом. Обязательная диспансеризация была из тех мелочей, которыми новый порядок незаметно оброс за последние годы: раз в год будь любезен — государство желает знать, что ты исправен, как желает знать про машину на техосмотре. Биометрия на входе, браслет с номером на запястье, зелёные стрелки на полу. Он шёл по стрелкам от кабинета к кабинету, и всё было привычно-тоскливо. В коридорах пахло хлоркой и чужой тревогой; люди сидели вдоль стен с одинаковыми браслетами и одинаковыми лицами, каждый наедине со своим страхом — а вдруг найдут. Андрей всегда чувствовал себя тут винтиком, которого раз в год достают из машины, проверяют и вставляют обратно. Обычно это раздражало. Сегодня — впервые — по-настоящему пугало: а вдруг и правда найдут.

Кровь — норма. Давление — норма. Сердце, лёгкие, зрение — всё зелёное, всё в порядке. — Да вы крепче прошлогоднего, — удивилась немолодая медсестра, листая карту на экране. — Помолодели прямо. Сердце как у спортсмена. Витамины, что ли, пьёте? — Камни глотаю, — сказал Андрей. Она засмеялась. Он — нет. Последним по списку был рентген. Кабинет в конце коридора, табличка, красная лампа над дверью. Андрей вошёл, разделся до пояса, встал, куда велели, прижался грудью к холодной панели. Знакомый, забытый с детства запах казённой техники и спирта. Аппарат погас. Не щёлкнул, не зажужжал — просто погас. Ровный гул, которого Андрей даже не замечал, оборвался, и в наставшей тишине стало слышно, как где-то капает кран. Экран у техника моргнул и налился плотной, ровной чернотой. — Опять, — буркнул техник, немолодой мужик с лицом человека, которому всё надоело ещё в прошлой жизни. Потыкал кнопки, подождал, перезагрузил. Аппарат не отзывался. — Да что ж за день такой.

Третий уже. Идите-ка вы, мил человек, в двести шестой, там новый стоит, японский. Уж он-то не подведёт. Андрей шёл в двести шестой длинным коридором, и с каждым шагом внутри крепло нехорошее предчувствие. Он уже понимал — не умом ещё, а нутром, тем самым угольком, — что дело не в аппаратах. Хотелось повернуть и уйти, не доходя. Он не повернул. Надо было знать наверняка. В двести шестом стоял новый. Японский. Сверкающий. Андрей встал, прижался, выдохнул. Экран погас. Молодая докторша уставилась на чёрный монитор, потом на Андрея, потом снова на монитор. Постучала по корпусу костяшкой пальца, будто это могло помочь. — Странно, — сказала она медленно. — Он же утром работал. Его вчера только проверяли. — Может, я заразный, — попробовал пошутить Андрей. Шутка не получилась. Потому что в этот самый миг уголёк под рёбрами толкнулся — сильно, отчётливо, в полную силу. Раз. И ещё раз. Ровно тогда, когда умирал экран.

Андрей почувствовал это всем нутром: будто что-то внутри него потянулось к гудящей машине — и одним рывком вытянуло её досуха. Он замер. Он стоял посреди кабинета, голый по пояс, грудью к мёртвой панели, и впервые — ясно, без всякого спасительного «показалось» — чувствовал связь. Машина гаснет — и живот отвечает. Батарейки, аккумулятор, всё, что садилось и гасло рядом с ним. Это была не поломка и не старая проводка. Это был он. В чёрном зеркале мёртвого экрана отражалось его собственное лицо — бледное, чужое, с расширенными глазами. За спиной докторша уже сняла трубку. Диктовала номер кабинета, фами-

лию, говорила непонятное: «нет, оба аппарата», «да, при пациенте, дважды». Потом — слово «дозиметр». В коридоре, за приоткрытой дверью, кто-то провёл вдоль стены прибором; прибор пискнул, замолчал и недоумённо пискнул снова — упал до нуля там, где нулю взяться было неоткуда. Андрей медленно натянул рубашку. Пальцы слушались плохо. А за спиной, в кабинете, чей-то голос уже повторял в трубку — внимательно, без прежней скуки, совсем другим тоном, чем минуту назад:

— ...да запишите вы его данные.

Фамилию, адрес. Всё запишите.

Машину Андрей вёл сам — руки нужно было чем-то занять.

«Фамилию, адрес. Всё запишите». Голос из кабинета крутился в голове, как муха в банке. Андрей не знал, кому именно диктовали его фамилию и куда уходит эта запись. Но он хорошо знал, как устроены такие записи: они не теряются. Они ждут. И к ним обязательно кто-нибудь приходит.

На перекрёстке мигнул и завис экран на приборной панели, радио зашипело белым шумом. Андрей выдохнул, разжал зубы, заставил плечи опуститься — и шум улёгся, экран ожил. Он отметил это краем сознания, как отмечал теперь всё. Когда он спокоен — уголёк дремлет. Когда напряжён, зол, испуган — просыпается и тянется наружу. Связь была во всём.

«Думай», — сказал он себе и принялся думать — холодно, быстро, той новой ясной частью головы, которая прорезалась в нём за эту неделю.

Человек, который гасит рентгены и поглощает радиацию, — не диковинка. Это либо ресурс, либо угроза. И в том, и в другом случае за таким приходят. А те, кто приходит вот так, не спрашивают разрешения — они берут. И, взяв однажды, не отпускают обратно: к ужину, к жене, к детям. Его разложат на части — посмотреть, как устроен, — и сделают это с удовольствием, под протокол, в белых перчатках.

Перед глазами встали Мишка с прямой упрямой спиной, Сонька-якорь на ноге, Марина в тёмной спальне. Нет. Что бы это ни было — оно остановится на пороге его дома. Дальше порога Андрей его не пустит.

Ночью, когда дети уснули и Марина уснула, он сел на кухне один. На столе перед ним лежали мёртвые вещи: остановившиеся кухонные часы, перегоревшая лампочка, стакан воды. На подоконнике, под белёсым светом фонаря, тихо тлели два камня. Андрей закрыл глаза. Это было как когда-то — перед выходом на снаряд. Вдох. Центр тяжести. Внимание внутрь себя. Тело гимнаста помнит то, что забыла голова: чтобы крутить «солнце», сначала надо найти ось. Он искал ось — и нашёл. Тёплый узел под рёбрами. Ровный. Живой. Ждущий. Он осторожно к нему прислонился. Сначала — то, что попроще. В коридоре под потолком висел датчик дыма; Андрей знал, что в таких стоит крупица радиоактивного вещества, — читал когда-то мимоходом и забыл. Он встал под датчиком, прислушался к узлу. Узел потянулся. Сам. Жадно. Зелёный огонёк на датчике мигнул, потускнел и погас. А внутри, под рёбрами, разлилось короткое, сытое тепло — будто узел вобрал в себя что-то чужое и затих, насытившись.

Андрей отступил; ему стало нехорошо, будто он подглядел за собой что-то стыдное. Хорошо. Это он умел — брать. Теперь наоборот. Он вернулся к столу, взял в руку мёртвую лампочку, попробовал не тянуть, а толкнуть. Отдать. Выпихнуть тепло наружу, в стекло. Ничего. Он нахмурился, надавил сильнее — внутренне, всем существом, как давят, когда очень надо и не выходит. В груди поднялась знакомая муть — остаток дневного страха, злость на себя, на запись, на голос в трубке, — и что-то сорвалось. Не туда. Не в лампочку, что он держал в руке, а вбок, мимо, по ближайшему, что подвернулось. Стакан на столе лопнул. Не упал. Лопнул — с сухим, злым треском, плеснув водой и брызнув стеклом. Андрей отшатнулся вместе со стулом. Сердце колотилось где-то в горле. Он не трогал стакан. Он метил в лампочку — а разнесло стакан. Дошло до него на секунду позже, и от этого стало по-настоящему жутко: сила была.

А прицела не было. Она рвалась наружу и била куда попало, не разбирая. На одно ледяное мгновение он представил, что на месте стакана стоит человек. Что в кухню за водой в этот миг вошла бы Сонька. Он задавил эту мысль сразу, грубо, как давят искру, упавшую на скатерть, — но руки уже дрожали. Вот чего он испугался по-настоящему — не собственной силы, а себя рядом с этой силой. Всю жизнь он строил себя вокруг одного: быть тем, кто бережёт своих, кто оказывается рядом вовремя. А теперь выходило, что рядом с ним самим — опаснее всего; что он, не рассчитав, одним неверным движением может сделать со своими то, чего не сделает никакой враг. Этого допустить было нельзя. Значит, оставалось одно — научиться. Взять эту дрянь под такой контроль, чтобы она слушалась, как когда-то слушалось тело на помосте. Иначе её нельзя было держать в одном доме с Соней и Мишкой.

Так. Ещё раз. Только медленно. Он взял мёртвые часы, поставил перед собой. Вдох. Ось. Узел. И — мягко, по капле, придерживая себя за шиворот, — толкнул. Пластиковый корпус скрипнул. Прогнулся. И с тихим хрустом лопнул посередине — будто его сжала и отпустила невидимая ладонь. Андрей замер над раздавленными часами, мокрый от пота. Он сделал это. Нарочно. Дозированно. Своей волей. И сидел теперь на кухне в четвёртом часу ночи с дрожащими руками, осознавая две вещи разом. Первая: он может причинить вред. Настоящий, страшный вред. Вторая, того хуже: он этим почти не владеет.

И была третья вещь — холодная и ясная, как стекло на полу. Никто. Никогда. Не должен. Узнать. Потому что первая же лаборатория, которая до него доберётся, не вернёт его назад. А где-то там, в тёплом казённом кабинете, уже лежит листок с его фамилией и адресом. Никаких лабораторий. Никаких «дополнительных обследований». Никаких машин у подъезда. Что бы с ним ни случилось, он разберётся сам — тихо, как когда-то разбирался с перекладной: одно осторожное повторение за другим, тысячу раз неправильно и один раз правильно, пока тело не начнёт слушаться. У него была фора, о которой не знал никто. И он намеревался её сохранить. Он собрал стекло, чтобы Марина утром не порезалась. Сунул раздавленные часы поглубже в мусор, под очистки. Вытер стол, вымыл пол. К тому времени, как он закончил, за окном серело, и два камня на подоконнике поймали первый бледный свет — и тихо, терпеливо разгорались.

Он стоял посреди отмытой кухни, где не осталось ни следа ночи, и понимал, что с этого утра будет жить двумя жизнями: одной — на виду, обычной, с планёрками и жареной картошкой; другой — тайной, которую нельзя доверить никому, даже Марине. Как дед. Который, выходит, тоже всю жизнь носил в кармане что-то, о чём не рассказывал. Теперь Андрей понимал молчаливого деда чуть лучше. Телефон коротко звякнул — сообщение. «Городская поликлиника. Просим Вас явиться для дополнительного обследования в течение недели». Обычная казённая строчка, каких валится по десятку на дню; Андрей едва не смахнул её, не глядя. А через минуту телефон зазвонил. Вот это было странно. Неизвестный номер, половина шестого утра. Андрей смотрел на экран и не брал трубку, и внутри медленно поднималось что-то холодное. Поликлиники не звонят. Поликлиникам всё равно: они шлют казённые сообщения и живут дальше, им нет до человека никакого дела. Звонят — в такую рань, лично, упрямо — когда дело до тебя как раз есть.

Когда ты кому-то очень нужен. Звонок оборвался. Начался снова. Смолк — и больше не повторился. Андрей медленно положил телефон экраном вниз. За окном светало, на подоконнике тихо разгорались два камня. Началось.

Глава 3. Радомет

Неделю ему дали на размышления. Андрей потратил её не на страх. Он потратил её на то, чтобы перестать быть тем, кем был, — человеком с угольком под рёбрами, который просыпается от любого испуга и гасит вокруг всё живое и неживое. Бежать он не собирался: бегут виноватые, а виноватых ищут и находят. Он пойдёт на беседу сам — но не раньше, чем будет твёрдо знать, что держит эту штуку на поводке. Учился он по ночам, и наука давалась тяжело. Это было совсем не как в кино, где герой за вечер становится хозяином чуда: первые две ночи выходила только битая посуда. Тогда Андрей вернулся к тому, что умел, — к перекладине. Не к самому снаряду, а к тому, как его когда-то осваивают: по одному движению, по одному повторению, тысячу раз неправильно и один раз правильно, пока тело не запомнит само. Он разложил способность на три простых действия.

Тянуть — забирать; это выходило само. Толкать — рушить; это он трогал осторожно, на мёртвых вещах, подальше от стен. И самое трудное — держать: прижать уголёк, как прижимают рвущуюся собаку, и не пускать, что бы вокруг ни творилось. Держать он отрабатывал злее всего — окунал лицо в ледяную воду и держал, гнал сердце до дрожи и держал. К шестой ночи выходило уже надёжно. Не идеально. Но надёжно. И ещё две вещи он должен был знать наверняка — ради себя и ради тех, кто спал в соседней комнате. Не вредит ли это ему самому. И не опасен ли он для других — не «фонит» ли. Дозиметр он заказал самый простой, бытовой, под видом строителя. А источник у него уже был свой — дедовы часы: в темноте их циферблат тускло светился зелёным, потому что старые шкалы красили светосоставом на ради. Настоящая радиация, живая, десятилетиями, — но не в стали и стекле, а в тонком слое краски.

Андрей поводил дозиметром по себе — ровный, скучный фон, норма. Поднёс к часам — прибор затрещал, цифры поползли вверх. Тогда он прислонился к узлу и потянул: поглотил излучение на расстоянии, одной волей, не коснувшись часов даже пальцем. Зелёный свет дрогнул, потускнел и угас. Он снова провёл дозиметром — по часам тишина, ноль; по себе тоже ноль, та же скучная норма. Это было важнее всего. Он не копил радиацию, не носил её, не излучал — он попросту обрывал её, а сам оставался чистым. Он мог взять Соньку на руки, мог обнять Марину — от него ничем не несло. А потом, убирая часы, он повернул их под лампой — и зацепился взглядом. Там, где раньше светилась краска, по циферблату прошёл слабый жёлтый отлив. Тонкий, как дыхание на стекле. Соскрести? Нечего там скрести — слишком мало, не ухватишь: радия была всего крупница, и осталось от него едва заметное жёлтое марево.

«Показалось», — сказал он себе. И, как тогда с угольком, не до конца поверил. Часы отложил отдельно, а странный отлив запомнил. На всякий случай.

Через неделю он пошёл на осмотр — сам, на своих ногах.

Никакой засады не было. Немолодая усталая врач листала его карту и хмурилась скорее заботливо, чем подозрительно: аппаратура-де в тот день дважды сбойнула, по инструкции надо переснять, для его же карты и спокойствия. Андрей встал к панели, нашёл узел, взял его обеими руками и придержал. Спи. На этот раз вышло почти спокойно — не как в ту бессонную ночь, а ровно, отработанно. Аппарат загудел, щёлкнул; на экране проступила обычная скучная человеческая картинка — рёбра, тень сердца, лёгкие. «Ну вот, и всё, и здоровы, и зря переживали», — улыбнулась врач.

Андрей вышел на улицу и едва не рассмеялся над собственной неделей страха. Никакой ловушки не было. Поликлиника никогда и не была опасностью. Опасностью было то, чем он сам вот-вот собирался стать.

Неделю он думал как добыча — и всё это время смотрел на свою беду не с той стороны.

Что такое радиоактивные отходы? Самый страшный мусор человечества. Отработанное топливо, заражённое железо, всё, что нельзя сжечь, растворить, забыть; оно остаётся смертельным сотни и тысячи лет — дольше, чем стоят государства. Его возят в свинцовых бочках под охраной, хоронят в скалах, тратя целые состояния, и молятся, чтобы могильник выдержал десять тысяч лет. Каждая страна дерётся, лишь бы не стать кладбищем. Это единственный мусор, от которого человечество не умеет избавляться.

А он от него избавляется начисто: только что излучало, грозило, отравляло — и больше нет, словно и не было.

И вот тут всё перевернулось окончательно. Он не станет прятаться и не станет играть в спасителя, гоняясь за утечками. Он сделает простую и огромную вещь: заберёт у мира его самую дорогую, самую нерешаемую проблему — и за плату заставит её исчезнуть. Ему будут платить, чтобы кошмар пропал; он и вправду уберёт настоящую опасность — в этом даже есть что-то хорошее; а как именно он это делает, не нужно знать никому. Он не добыча, за которой охотятся. Он — тот, кто решает чужую самую дорогую проблему.

Была в этом и защита. Пока он тихий переработчик отходов, каких сотни, — он неинтересен и невидим. Стоит миру узнать, что мусор возле него превращается в золото, — и завтра придут не за услугой, а за ним самим, чтобы разобрать и понять, как ту больничную машину. Значит, дело должно быть скучным снаружи и тайным внутри. Громким ровно настолько, чтобы быть полезным, и тихим настолько, чтобы уцелеть.

И оставался тот жёлтый отлив на циферблате. Часы дали слишком мало, чтобы знать наверняка. Но если ему не показалось, если там и вправду осело золото, — то всюду, где он обрывает радиацию, должен оставаться драгоценный металл. А радиацию мир свозит и хоронит тоннами. Узнать можно было одним способом: взять этой дряни много и посмотреть, что от неё останется. И дело, которое он задумал, давало ему ровно эту возможность.

Считать Андрей теперь умел быстро — и быстро понял, что упирается не в способность, а в две вещи, которых у архитектора Зорина не было. Лицензию — право на законных основаниях возиться с такой дрянью. И имя — репутацию в деле, в которое он вошёл только вчера. Лицензию не выдают за неделю человеку с улицы. А чужаку без истории не отдадут ни грамма отходов, как сладко он ни пой. Значит, и заходить надо не с улицы. Лицензию Андрей не стал выпрашивать — он её купил, вместе с фирмой. На это, и на то, чтобы снова её запустить, ушло всё, что он скопил за годы архитектором, до копейки. Денег было немного, но та фирма, что была ему нужна, дорого и не стоила: она тонула. Маленькое областное ООО «Радомет» когда-то бралось за дезактивацию и переплавку низкоактивного металлолома — заражённого железа, труб, демонтированного хлама с остановленных производств. Теперь оно доживало век: долги, остывшая индукционная печь, пустой ангар на окраине, лицензия, которой оставалось долететь полгода.

Хозяин, измотанный немолодой человек, отдал фирму почти даром, вместе с долгами, и, кажется, был счастлив снять с себя эту петлю. Андрею досталось ровно то, что нужно: лицензия, ангар, печь, двое работяг, знавших ремесло, — и во дворе куча непереработанного заражённого лома, оставшегося с тех времён, когда фирма ещё дышала. Отдавая за неё последнее, Андрей впервые ясно почувствовал под ногами ту черту, за которой кончается прежний архитектор Зорин с его честными системами и начинается кто-то другой. Он через неё переступил — спокойно, понимая, что делает. Отступать было уже поздно, да и незачем. Первую неделю он просто учился ремеслу — настоящему, без всякого камня. Двое его дядек показали всю честную цепочку, и она оказалась проще, чем он думал. С заражённым ломом поступают так: что можно — чистят (пескоструй, кислота, срезка слоя) и замеряют; если активность упала ниже разрешённого уровня, металл официально освобождают из-под контроля и пускают в обычную переплавку, в нормальную жизнь.

Это красивое слово «освобождение». Что дочистить нельзя — переплавляют в особых печах, ужимают в объёме, а грязный остаток заливают в бетон и везут в могильник. Дорого. Долго. И вся выгода пряталась в этой простой арифметике: похоронить тонну стоит целое состояние, освободить — в разы дешевле. Дело было живое и без всякого чуда: на одной этой разнице можно кормиться годами. Днём он был при дядьках — учился, таскал, замерял, вникал в бумаги, ничем не выделяясь. А ночами, когда ангар пустел, оставался один и делал то, ради чего всё затевалось: стоял среди заражённого лома и обрывал радиацию, тонну за тонной, а наутро дозиметры показывали честный, скучный ноль. Двойная жизнь, о которой он думал той ночью на кухне, обрела стены и крышу — ангар на окраине.

Человека, который решал, куда в области идёт низкоактивный лом, звали Павел Борисович Гушин — заместитель в областном операторе по обращению с отходами. Немолодой, грузный, с лицом человека, который тридцать лет подписывал бумаги, глядя, как мимо богатеют люди поглупее. Сидели в безликом кафе у вокзала. Гушин помешивал остывший чай и слушал вполуха — таких, как Андрей, с новой «дешёвой методикой» через его кабинет проходили десятки, и все или взрывались, или садились. Но Андрей не частил и не пел. Он говорил ровно и коротко, а сам читал человека напротив той новой ясной частью головы: усталость, застарелая обида, дорогой пиджак позапрошлого сезона, потёртое обручальное кольцо. И — он услышал это между строк, когда Гушин обмолвился про дочкину свадьбу, — долги. Маленький, человеческий крючок, за который берутся не грубо. Андрей не стал устраивать чудес — выкладывать чужому чиновнику больше, чем нужно, было бы глупостью. Он назвал метод — и Гушин кивнул, как кивают знакомому: это была его кухня.

Потом Андрей положил на стол две бумаги. Лицензию — теперь свою. И протокол независимой аккредитованной лаборатории на пробную партию: металл освобождён по всем правилам, активность ниже уровня. Рядом стояла цена. Строчку с ценой Гушин перечитал дважды. — Дешевле вашей линии и быстрее, — сказал Андрей. — И заметьте: бумага не моя, а лаборатории. Хотите — пошлите своих, пусть перемеряют. — В чём фокус? — спросил Гушин прямо. — Так дёшево и так быстро не бывает. — Нет никакого фокуса, — Андрей пожал плечами. — Меньше людей, меньше начальников, меньше того, что прилипает к рукам по дороге. Линия своя, накладных почти нет. Я айтишник: где у вас три отдела и пятеро согласующих, у меня одна программа. Вот и вся разница. Объяснение было скучное — и оттого убедительное. А про то, что радиация исчезает у него под рёбрами, Гушину знать было незачем; это Андрей собирался держать при себе всегда. — И ещё, — он понизил голос.

— Разница между тем, что казна платит за захоронение, и тем, что беру я, велика. Часть её может оседать удобно. Для вас лично. Он выговорил это с тихим отвращением — потому что должен был. Не от страха: опасного он не сказал ни слова. Просто переступал ещё одну свою черту — сознательно, ради того большого, что уже разворачивалось впереди и звало идти. Гушин усмехнулся — понятно, тепло. — Одну машину дам, — сказал он, переходя на «ты». — Низкоактивный лом, пробная партия, полный грузовик. Справишься, не нашумишь — поговорим о большем. Облажаешься — я тебя в глаза не видел. Понял? — Понял, — сказал Андрей. Они не пожали рук — просто Гушин допил чай и ушёл, а Андрей остался сидеть с первым кирпичом будущего и линией, оставшейся далеко за спиной.

Пробную машину он разобрал сам, ночью, один в ангаре.

Взял из привезённого кучей лома кусок арматуры — дозиметр у уха зашёл в треске. Поглотил излучение, до последней искры. Снова поднёс прибор: тишина, ниже всякого уровня освобождения. Чисто. Бросил кусок в разогретую печь, слил в изложницу тяжёлый слиток. По документам — обыкновенная дезактивация и переплавка, комар носа не подточит.

А потом вспомнил дедовы часы. Тот жёлтый отлив, в котором так и не сумел увериться. Часы дали крупницу, призрак; а здесь металла было много — здесь должно было хватить. Он

наклонился к застывшей корке шлака поверх слитка, к серому пористому съёму, и долго всматривался. И поймал слабый, ленивый жёлтый отблеск — на этот раз настоящий, не призрак.

Сердце стукнуло. Догадка с часами выдержала. Это было не чудо одной ночи и не случайность — это работало всегда: там, где из металла уходила радиация, рождался драгоценный металл. Не аккуратной крупинкой, как на циферблате, а размазанный, утопленный в переплаве — в железе, в шлаке, в съёме, — но он был. Андрей отколол кусочек шлака, взвесил на ладони. Тяжёлый. Неправильно тяжёлый.

И тут его ощутимо повело — от того, что открывалось дальше. Он ведь не покупает это сырьё. Ему за него платят. Мир сам, под охраной, в свинце и бетоне, везёт ему самое страшное, что у него есть, и ещё приплачивает, лишь бы забрал, — а оно оборачивается золотом и платиной. Две выгоды из одной услуги. И чем горячее, чем смертельнее сырьё, тем больше осядет в тиглях; а самое горячее — это ровно то, от чего человечество готово избавляться любой ценой. Этот заражённый лом был тонкой струйкой. За ним, в бетонных могильниках по всему свету, стояли настоящие горы. Ресурс, у которого не видно дна.

Оставалась одна загвоздка, и она была серьёзной.

Андрей стоял над остывающим слитком с крупницей чужого, невозможного золота в кулаке и понимал, что держит не богатство даже — а приговор. Своё богатство можно показать. Это — нельзя. Ни единой живой душе.

Чистить лом и лить из него честные слитки он умел — это ремесло фирмы, законная услуга, его прикрытие. А вот вытащить рассеянное в переплаве золото — это уже не дезактивация и не переплавка. Это аффинаж: тонкое, въедливое ремесло, которого «Радомет» отродясь не знал. Обезвредить породу Андрей умел. А вот вынуть из неё металл — нет.

Ему нужен был аффинажник. Не радийщик — металлург. И такой, которому можно доверить жизнь, потому что рано или поздно этот человек задумается, откуда в его тиглях всё время берётся золото.

И такого Андрей знал. По-настоящему знал, не из удобной случайности. Аффинажник, каких поискать, — друг детства, с которым они выросли в одном дворе; человек, которого Андрей однажды видел в деле и знал про него одну вещь твёрдо, как таблицу умножения. Только жизнь давно развела их по разным углам, и где искать Гену теперь, Андрей представлял смутно. Но искать было надо. И он поехал искать.

Глава 4. Аффинажник

Гена жил на краю города, в облезлой панельной девятиэтажке, где лифт пах кошками, а на лестнице горела одна лампочка из трёх.

Открыл не сразу. Постарел — седина, морщины, мешки под глазами, — но спина была всё та же: прямая, как у человека, который и на дне стоит ровно. Они не виделись лет восемь. А двор, в котором они выросли, общие разбитые коленки, тысяча мелочей — всё это вернулось в одну секунду, едва он сказал, шурясь:

— Зорин? Андрюха?!

Обнялись неловко, как обнимаются мужики, которых развела жизнь. Гена засуетился, повёл на кухню, поставил чайник — и в этой суете было столько неприкрытого, честного одиночества, что у Андрея защемило.

Двор их детства давно снесли, а они всё помнили: шербатый асфальт, гаражи, турник, на котором маленький Андрей крутил первые обороты, а Гена, старше на год, страховал снизу и орал «держи носок!». Потом жизнь развела: Андрей ушёл в спорт, потом в институт, потом в свои системы; Гена — в металл, в завод, в тихое честное ремесло. Виделись раз в несколько лет, случайно, на улице, кивали, обещали «созвониться» и не звонились. Так и растерялись бы совсем, если бы не сегодняшний вечер и не то, что привело сюда Андрея.

На тесной кухне пахло бедностью — той опрятной, гордой бедностью, которую не прячут, но и не выставляют. Дешёвый чай, крошки сахара, заштопанный локоть на рубашке. Гена не жаловался. Гена вообще, как помнил Андрей, никогда не жаловался.

Про завод Андрей знал в общих чертах. Тут слышал целиком.

На аффинажном, где Гена тридцать лет тянул золото и платину из лома, металл начал уходить мимо ведомостей. Помалу, потом наглее. Пробы подделывали, недостачу размазывали, наверху делили. Гене принесли бумагу — подписать заниженный анализ. Он положил ручку и сказал «нет». Ему объяснили по-хорошему, что все подписывают, что так заведено, что он не умнее прочих. Он снова сказал «нет». Тогда объяснили по-плохому — и он в третий раз сказал «нет», поднял шум, дошёл, куда мог дойти.

А дальше всё было скучно и предсказуемо: нарушений не нашли, нашли «неуживчивого». Сперва задвинули, потом выдавили — тихо, по бумагам, не подкопаешься. А когда завод через год всё-таки встал, человека, который однажды «развёл вонь», в отрасли уже никто брать не хотел: слухи в узком мире расходятся быстро, и слух был один — с этим неудобно.

— Принципиальный я, Андрюх, — усмехнулся Гена без всякой весёлости. — Самая дорогая штука на свете — принципы. Видишь, чем плачу. — Он развёл руками, показывая на кухню, на штопанный локоть, на всю свою честную нищету.

Андрей ехал сюда предложить работу. Аффинаж — чистить его слитки, тянуть из шлака золото. Простое дело, хорошие деньги, и ни слова лишнего. И вот теперь, глядя на этого прямого, разорённого собственной честностью человека, он понимал, что так не выйдет. Потому что Гена — мастер. Он увидит, как из «грязного» железа, из мёртвого лома, идёт золото, которого там быть не должно. И он спросит. А получив отговорку — спросит снова, и снова, и не отвернётся, не зажмурится, не сделает вид, что не заметил. Он просто не умел отворачиваться. Ровно за это и сидел сейчас на нищей кухне. Андрею оставалось одно из двух: соврать — и потерять единственного человека, которому можно было бы довериться. Или сказать правду — и проломить ту стену, за которой он прятал себя. Стена эта была не пустяк. За ней стояли Марина, Мишка, Соня, вся его жизнь. Открыть тайну кому бы то ни было означало впустить туда чужого — и молиться, чтобы чужой оказался своим.

Андрей не любил молиться. Он любил считать. И, считая, раз за разом упирался в одно: если и есть на земле человек, который скорее умрёт, чем продаст, то это Гена. Не потому, что добрый. Потому, что не умеет иначе. Он смотрел на Гену и думал: если есть на земле один человек, которому можно отдать эту тайну, то вот он. Разорённый тем самым, что было сейчас нужнее всего, — тем, что он не продаётся. И знал он это не по дружбе — по одному давнему случаю. Пацанами, во дворе, они с компанией влипли крепко, так, что можно было поломать себе всю жизнь. Взяли всех. И Гена — не самый старший, но самый упрямый — взял вину на себя одного, целиком, чтобы вытащить остальных. Заплатил сполна: вылетел откуда мог вылететь, получил клеймо на годы вперед — и не назвал ни одного имени. Ни тогда, под нажимом. Ни после.

Ни разу за все годы. Они с тех пор виделись с гулькин нос, разошлись по жизни, — но такое не забывается и не выдыхается. Андрей знал про Гену одно намертво: этот человек своих не сдаёт, чего бы это ему ни стоило. На это можно было ставить. На это — и стоило. — Поехали, — сказал Андрей и встал. — Покажу, на что зову. На словах не поверишь.

В ангаре было холодно и пусто. Андрей бросил на верстак кусок заражённой арматуры из дворовой кучи и протянул Гене дозиметр. Прибор зашёлся в треске. — Фонит, — сказал Гена. — И крепко. Ты меня с этим работать зовёшь? Я аффинажник, а не смертник. — Смотри. Андрей встал у верстака, выдохнул, нашёл под рёбрами тёплый узел и потянул. Поглотил излучение — медленно, до последней искры, не коснувшись железа даже пальцем. Дозиметр в руке Гены дрогнул. Треск стал реже, реже — и смолк. Ноль. Гена поднёс прибор к арматуре вплотную, поводил, постучал по нему пальцем, будто тот сломался. Прибор молчал. — Как ты... — начал он и не договорил. — А теперь главное, — сказал Андрей. — Переплавь это и посмотри, что в шлаке. Печь Гена раскочегарил сам — руки вспомнили всё. Слил чистое железо, снял съём, разбил остывшую корку шлака. И замер. Среди серой пористой массы тяжело, жирно блестело жёлтое. Гена выковырял крупцу.

Взвесил на ладони. Потёр пальцами, поскрёб ногтём, поднёс к свету, сощурился. Достал из кармана старую лупу — он, оказывается, так и носил её с собой все эти годы — и долго смотрел. Капнул чем-то из пузырька, который тоже держал при себе. И всё это время лицо у него делалось каменное. Тридцать лет он верил своим пальцам. Сейчас пальцы говорили ему невозможное. — Этого не бывает, — выговорил он наконец, очень тихо. — Золото не родится из железа. Это не так... это вообще никак не работает. — Я знаю, — сказал Андрей. — Я и сам не знаю как. Уходит радиация — остаётся вот это. Всегда. Из любого фонащего хлама. Сколько привезут — столько и будет. Гена ещё долго вертел крупцу в пальцах, будто искал подвох, ждал, что золото вот-вот окажется латуной, фольгой, обманом зрения. Не оказывалось. Он задал десяток вопросов — про температуру, про время, про то, повторяется ли, про то, не вредит ли это самому Андрею; на последний Андрей ответил честно: не вредит, проверял.

Постепенно каменное лицо аффинажника сменилось другим — таким, каким смотрят на чудо люди, которые в чудеса не верят и оттого верят до конца. Он медленно опустил на табурет, не выпуская крупинку из пальцев.

— Мне не работник нужен, Гена, — сказал Андрей. — Мне нужен ты. Поровну. Не на жалованье — в долю, по-настоящему. То, что начинается, в одиночку не вытянуть, а доверить я это могу одному человеку на свете. Тебе.

Гена долго молчал, глядя то на золото, то на старого друга.

— Ты понимаешь, что теперь это и твоя тайна? — спросил Андрей. — Что с ней опасно жить?

— Понимаю, — сказал Гена. — Тайны хранить я умею. Из-за этого, считай, и нищий. — Он встал, вытер ладонь о штаны и протянул её.

Два принципиальных мужика пожали друг другу руки над верстаком, на котором лежало золото, которого не должно было быть. Андрей вдруг понял, что впервые за долгие недели ему

не одиноко. Одному носить эту тайну было как держать на весу камень — а теперь их стало двое.

Дальше дело пошло. Гена ожил на глазах — будто кто-то вернул ему отнятые годы. Он перебрался поближе к ангару, дневал и ночевал у печей, и Андрей давно не видел, чтобы человек так радовался работе. Днём они с дядьками честно чистили и переплавляли лом, освобождали металл, сдавали Гушину бумаги; а по ночам, когда ангар пустел, Гена колдовал над шлаком и съёмом, тянул из них золото и платину, аффинировал, выпаривал, осаждал, бормоча под нос, и руки его двигались сами, помня ремесло лучше головы. Андрей стоял рядом, обрывал радиацию с новых партий и смотрел, как из мёртвой на вид породы под руками друга рождается тяжёлый жёлтый металл. Работали молча, слаженно, как когда-то на турнике: один делает — другой страхует. Слитки ложились в сейф один к одному — маленькие, тяжёлые, ровного жёлтого огня. Первый Гена подержал в ладони особенно долго и ничего не сказал, только моргнул чаще обычного и отвернулся к печи.

Гушин, довольный, слал всё новые машины. «Радомет» из мёртвой конторы превратился в бойкую: показатели росли, лом шёл рекой, деньги по контрактам были настоящие. Всё складывалось — и слишком быстро складывалось для маленького областного городка. Золото надо было куда-то девать. Сбивали тихо, скупщику, который не задавал вопросов, потому что цена была ниже той, при которой вопросы возникают. Но золота становилось много. Слишком много. И скупщик, тот самый, что не задавал вопросов, на пятой или шестой ходке вопрос всё-таки задал — мягко, между делом, пересчитывая купюры:

— Хорошо идёт у тебя, смотрю. Регулярно. Ювелирный лом, что ли, нашёл? — Он улыбнулся, не поднимая глаз. — Ты не думай, мне без разницы. Просто... много. Спрашивать начнут не меня — так тебя. Андрей улыбнулся в ответ, сказал что-то про наследство и ушёл. Но к этому скупщику больше не вернулся. Вечером выложил Гене всё как есть. — Я же говорил, — без всякого торжества сказал Гена.

— Золото из ниоткуда не берётся. Один слиток продать — никто не охнет. Сто — и ты уже на карандаше. У всякого золота должна быть родословная: где добыто, где переплавлено, чьё. А у нашего её нет. Оно из воздуха. И это, Андрюх, опаснее любой радиации. — Он помолчал. — И городок наш для таких оборотов мал. Тут каждая собака на виду. Ещё немного — и на нас начнут показывать пальцем.

Андрей думал три дня.

Прятать золото было нельзя — его становилось столько, что любая нора рано или поздно выдавала бы себя. Сбивать тайком — плодить следы и любопытных скупщиков по всему городу. Оставалось третье, дерзкое до смешного: не прятать, а выставить на свет. Но так, чтобы свет шёл от него самого.

Золоту нужна родословная и место, где оно может лежать открыто и не вызывать вопросов. Такое место на свете одно — банк. Не чужой, где будут совать нос в его дела, а свой собственный. Дом, чьи бумаги и обещания обеспечены настоящим металлом, увесистым, честным, лежащим в хранилище. Тогда вопрос «откуда у тебя столько золота» теряет смысл сам собой: это банк, у банка есть золотой запас, так и должно быть.

А банк, аффинаж на настоящих мощностях, размах — всё это в тесном областном городишке было не развернуть. Значит, надо было туда, где ворочаются большие деньги и большому золоту не удивляются. В столицу.

Он рассказал Гене. Тот долго молчал, потом покачал головой — не отказываясь, а удивляясь.

— Из ангара — в банкиры, — сказал он. — Ну ты даёшь, Зорин. — И, помолчав, добавил тише: — А ведь сойдётся. Чёрт. Сойдётся.

Оставалось поднять всё разом и перевезти на новое место — дело, печи, людей. И семью. И самого Гену.

С Мариной он говорил в тот же вечер — прямо, как привык с ней говорить. Не всё рассказал, но и не соврал: дело пошло в гору, перерастает город, надо в столицу — там будущее, там школы получше, там развернёмся. Марина слушала, глядя на него своими спокойными глазами, в которых он давно научился читать. Она понимала: муж что-то недоговаривает. Но она понимала и другое — что он её не обманывает и что, если он так решил, значит, взвесил. «Детей поднимать всё равно где, — сказала она наконец. — Лишь бы ты был рядом». Андрей кивнул и промолчал: он-то как раз и старался всю жизнь — быть рядом.

Начиналась совсем другая жизнь. И Андрей ещё не знал, что этой жизни очень скоро станет тесно даже в столице.

Глава 5. Золотой резерв

В столицу они перебрались все вместе, одним обозом: семья, Гена, двое дядек-работяг, что не захотели отставать, и вся начинка «Радомета» — печи, оснастка, бумаги.

Марина обживала новую квартиру с тем спокойным упорством, с каким обживала всё, куда её заносила жизнь с Андреем; Соню определили в школу с бассейном, о котором она мечтала (Андрей поморщился на слове «бассейн», но смолчал — и про себя решил, что научит дочь плавать сам, а на реку всё равно не пустит), Мишку — в гимназию посерьёзнее. Гена, всю жизнь проживший в одном городе, первое время дичился столицы, ворчал на толчею и цены, а потом махнул рукой и врос — у него теперь была работа по душе и размах, о котором он и не мечтал.

Старый ангар на окраине Андрей перед отъездом обошёл один, напоследок. Здесь, среди этого холода и ржавчины, он впервые погасил радиацию с целого грузовика, здесь Гена вынул из шлака первую крупницу невозможного золота, здесь всё началось всерьёз. Теперь ангар казался тесным и трогательным, как детская одёжка. Андрей запер его, постоял минуту и уехал не оглядываясь. Оглядываться он не любил — привык, что позади всегда остаётся то, чего уже не вернуть.

Городок остался вместе с Гушиным, первыми оборотами и любопытным скупщиком. Впереди была совсем другая игра — на других деньгах, других скоростях и, как выяснится очень скоро, с другими игроками.

✱

Первым делом Андрей выкупил площадку.

Не ангар на окраине — настоящий производственный комплекс: бывший завод на промышленном поясе столицы, с подъездными путями, с высокими цехами, с собственной подстанцией. Он вложил в него всё, что дало дело в области, и ещё сверху — в долг, которого больше не боялся. Оборудовал по последнему слову: современный аффинаж, автоматика, чистые линии, логистика, при которой лом заходит с одного конца, а чистый освобождённый металл и опломбированные слитки выходят с другого. Со стороны — образцовое, скучноватое, дорогое предприятие по переработке и вторичному металлу. Что творится в его сердце по ночам, знали двое.

Теперь всё было иначе. В области он обрывал радиацию с грузовика за ночь; здесь через комплекс шли эшелоны. Гена больше не колдовал в одиночку над тиглем — он поставил настоящую аффинажную линию и стоял над ней, как дирижёр, а Андрей проходил вдоль составов заражённого металла и гасил, гасил, гасил — ровно, привычно, как дышат. Масштаб вырос стократно. Вырос и поток золота.

Это была странная, ни на что не похожая работа. Ночами, когда цеха пустели и оставались только свои, Андрей шёл вдоль платформ с фонащим ломом — трубы, задвижки, демонтированное железо с чужих остановленных производств, всё то, от чего полмира не знало, куда деваться, — и снимал с него смерть, вагон за вагоном. Дозиметры вдоль пути гасили один за другим и показывали ровный, честный ноль. К утру то, что привезли как опаснейший груз под охраной, уходило обычным чистым металлом, а в отвалах шлака Гена находил своё. Тело от этой работы не страдало — наоборот, наливалось силой; уставало другое. Что-то внутри понемногу гложло от этой бесконечной ночной возни с чужой смертью, которую он раз за разом брал в себя и обрывал. Андрей гнал это чувство. Дело того стоило.

Золоту по-прежнему нужна была родословная — теперь тем более, на таких-то объёмах.

И Андрей нашёл её там же, где пряталась вся его жизнь, — в ломе. Оказалось, на свете есть честное, скучное, всем известное ремесло: вытаскивать драгоценный металл из мусора. Из старой электроники, из плат, из проводов, из переработанного хлама — повсюду рассыпаны

крохи золота, платины, палладия, и целая отрасль живёт тем, что эти крохи собирает и сводит в слитки. Аффинаж вторсырья. Гена знал его как свои пять пальцев.

А через комплекс и так шли тонны всякого металла. Что мешало объявить, что предприятие заодно извлекает из этого потока и драгоценную мелочь? Ничего. Это было почти правдой. Каждый слиток получал бумагу: добыт из такого-то сырья, переплавлен тогда-то, выход такой-то. Бумага была настоящая. Врала в ней одна-единственная цифра — выход: столько золота из такого сырья не достаёт на свете никто. Но эту цифру знали лишь двое, а проверить её, не зная секрета, было нельзя — ну, повезло людям с богатой партией, ну, хорошая у них технология. Гена сделал так, чтобы и на бумаге, и в цехе всё выглядело обыкновенным аффинажем вторсырья. А обыкновенно он умел как никто.

Родословная у золота появилась. Тонкая, держащаяся на одной лжи среди десятка правд, — но появилась. И теперь золото можно было не прятать, а нести на свет.

Гена, впрочем, спокойнее не стал. «Одно дело — крупица из грузовика, Андрюх, — говорил он, разглядывая на свет очередной слиток. — А другое — вот это, тоннами. Бумага у нас гладкая, да только всякий, кто в деле, знает: столько драгметалла из такого вторсырья не вынешь и за сто лет. Пока никто не считает — сойдёт. А как начнут считать всерьёз...» Он не договаривал. Андрей и сам понимал: чем крупнее становилось дело, тем тоньше делалась ложь, на которой оно стояло, — и тем внимательнее к ней однажды присмотрятся.

Оставалось построить дом, где этот свет будет ярче всего. Банк. Банк с нуля Андрей строить не стал — банк с нуля не строят, как не строят с нуля атомную станцию. Он сделал то, что уже умел: купил готовый. Небольшой столичный банк с живой лицензией — из тех, что тихо доживают век на трёх отделениях и горстке вкладчиков, — с настоящей столичной пропиской, сейфами и хранилищем в центре страны. Лицензия, право работать с деньгами и металлом — всё перешло к нему вместе с потёртой вывеской. А дальше за дело взялся не утилизатор отходов и не аффинажник, а тот, кем Андрей был всю жизнь. Айгишник. Он переписал банк заново. Быстрый, лёгкий, без очередей и бумажных окошек: всё в телефоне, всё за минуты, всё прозрачно до донышка. Но не это было главным. Главным было одно простое, оглушительное в своей старомодности обещание: каждый счёт, каждый вклад, каждая бумага в его банке обеспечены настоящим золотом.

Не словом государства, не обещанием допечатать ещё, а металлом — взвешенным, проверенным, лежащим в хранилище, которое любой желающий мог прийти и увидеть. В мире, где деньги давно стали обещанием обещания, Андрей предлагал то, что можно поддержать и взвесить. И люди потянулись. Он и вправду открыл хранилище для показа — водил желающих, давал поддержать слиток, поднести дозиметр (тот молчал: металл был чист), сверить пробу. Приходили скептики, банкиры, журналисты, приходили простые люди с последними сбережениями — и уходили уверовавшими: золото было настоящим, тяжёлым, честным, и за каждой цифрой на счёте лежал его весомый жёлтый эквивалент. В эпоху, когда любой другой банк торговал воздухом и верой, Зорин торговал тем, что не врёт. Этого оказалось достаточно, чтобы к нему пошли все. А вот старые, тёртые банкиры, из тех, что повидали все фокусы, уходили с показа с другой мыслью. Столько золота у одного человека, взявшегося из ниоткуда? Не бывает.

Они не верили в реальный объём — были уверены, что Зорин показывает одну и ту же витрину, красивую подсадную гору, а за ней пусто; что всё это — ловкий маркетинговый трюк, приманка для доверчивых вкладчиков, обман чистой воды. Осуждать они его, впрочем, не спешили: приём был хорош. Не один из них, вернувшись к себе, задумчиво велел прикинуть, нельзя ли и у них устроить нечто похожее «для витрины». Они видели трюкача — а перед ними стоял человек, у которого золота и вправду было больше, чем они могли вообразить. Эта их слепота ещё сыграет Андрею на руку.

Сначала ручеёк, потом река — и река эта была уже не областного размаха, а на всю страну.

О банке заговорили. Сначала осторожно — «слишком хорошо, чтобы быть правдой»; потом, когда любопытные пришли, постучали по слиткам в открытом для показа хранилище и убедились, что золото настоящее, — заговорили громко. В мире, уставшем от пустых обещаний и лопающихся пузырей, банк, за каждой бумажкой которого лежал честный жёлтый металл, был как глоток воды в пустыне. Вклады потекли рекой. За полгода фамилия Зорина гремела уже не в области, а по всей стране.

Из неизвестного областного подрядчика Андрей за считанные месяцы вырос в фигуру национального масштаба — богатую, заметную, у всех на виду. Золота в хранилище хватало на всех; а у него самого его было столько, сколько не снилось ни одному банкиру страны. Взлёт был таким стремительным и таким крупным, что не заметить его было нельзя.

О нём писали. Его звали на форумы, куда он не ходил, брали интервью, которых он не давал, придумывали ему биографию, потому что настоящая была слишком скучной, чтобы в неё поверить. Одни называли его гением, другие — пузырьём, который вот-вот лопнет, третьи тихо считали его золото и не могли свести концы с концами. А он просто работал: днём — банк и цифры, ночью — платформы с фонащим ломом. Слава была ему не нужна и мешала; но слава пришла сама, как приходит на свет мошкара, и вместе с ней пришло внимание, от которого уже нельзя было укрыться.

Дома, впрочем, всё осталось прежним. Та же жареная картошка, та же Сонька-якорь, тот же Мишка с прямой спиной, та же Марина. Только Марина теперь смотрела на весь этот блеск с лёгкой опаской и однажды сказала мужу тихо: «Ты только не потеряйся во всём этом, Андрюш. И нас не потеряй». Он пообещал, что не потеряется и не потеряет. Он и правда так думал. Он ещё не знал, что скоро за этих троих придётся драться всерьёз — и что именно близость к нему делается для них главной опасностью.

И в этом стремительном взлёте была вся западня.

То, что должно было его укрыть, — свет, открытость, честная на вид родословная, — выводило Андрея на самый край сцены, к рампе, где из тёмного зала на тебя смотрят сотни глаз, а ты не видишь ни одного. Он-то думал, что спрятал золото на самом видном месте, по-умному, как прячут лист в лесу. А вышло, что сам вышел на свет и встал под софиты — один, в полный рост, с загадкой, которую нельзя объяснить, и с богатством, которое нельзя не заметить.

Заметили быстро.

Первым сигналом была мелочь, на которую другой бы и внимания не обратил. Возвращаясь поздно из банка, Андрей приметил у своего дома тёмную неприметную машину — стоит носом к подъезду, в салоне теплится огонёк сигареты. На другой вечер — та же машина, или её сестра-близнец. На третий он, тронувшись, увидел в зеркале, как она, выждав, мягко пошла следом.

Он не ускорился и не подал виду. Только внутри, под рёбрами, рядом с угольком, шевельнулось знакомое, холодное. Он вышел на свет — и свет привёл к нему кого-то, кто предпочитал темноту. Кто-то большой, тихий и терпеливый уже сидел в зале и смотрел на человека под софитами. И этот кто-то был не из тех, кто покупает вклады.

В ту ночь Андрей долго не спал. Лежал, слушал ровное дыхание Марины, тихие шорохи спящего дома — и впервые за все эти месяцы взлёта думал не о золоте и не о новых мощностях, а о простом. О том, что стены его дома тонкие. Что охраны у него нет. Что он сделался богат и знаменит, а защищён не больше, чем в тот вечер, когда впервые положил в рот тёплый камешек. Богатство он нажил стремительно. А вот силы, которая это богатство удержит, у него пока не было никакой. И тёмная машина под окном терпеливо напоминала об этом всю ночь.

Банк оказался самым странным из всех новых приобретений. Завод можно было понять: трубы, печи, металл, люди в касках. Банк же был сделан из стекла, тишины и доверия, которое

покупалось дороже любого оборудования. Андрей быстро усвоил: золото само по себе не спасает. Его надо провести по миру так, чтобы оно перестало быть вопросом. У каждого слитка должна быть история, у каждой истории — документ, у каждого документа — человек, который поставил подпись и не захочет потом вспоминать, за что именно.

Марина привыкала к столице тяжелее, чем показывала. Днём она занималась школами, врачами, мебелью, разговорами с детьми; вечером долго стояла у окна и смотрела на город, который был слишком большим, слишком ярким и слишком чужим. Однажды Андрей услышал, как она по телефону сказала матери: «Нет, всё хорошо. Просто у нас теперь всё слишком хорошо». В этой фразе он впервые уловил не радость, а предупреждение.

Он пытался объяснить ей, что безопасность строится деньгами, связями, юристами, охраной. Марина слушала, потом спросила только одно:

— А от людей, которые захотят всё это забрать, ты тоже построишь безопасность?

Андрей не нашёл быстрого ответа. Потому что именно для таких людей он и строил новую жизнь. И чем больше вокруг становилось дверей, кодов, счетов и охранников, тем яснее было: главная опасность не в том, что кто-то увидит камень. Главная опасность в том, что кто-то поймёт, какой Андрей теперь ценный.

Переезд в столицу оказался не переездом, а пересборкой жизни. Старые вещи вдруг перестали помещаться в новый масштаб: детские кружки на кухне, коробки с книгами, мишкины школьные грамоты, Сонины рисунки, Маринины списки покупок. Всё это переезжало вместе с печами, документами и людьми, но Андрей чувствовал, что обмануть себя уже нельзя: он перевозит не семью поближе к возможностям, а возможность поближе к семье, чтобы она не убежала из-под контроля.

Марина видела это точнее всех. Она могла часами выбирать занавески и одновременно понимать, где в новой квартире лучше ставить тревожную кнопку. Не спрашивала, сколько денег теперь у Андрея. Спросила другое: «У нас есть место, где дети будут просто детьми?» Он хотел ответить «да» быстро, уверенно, как отвечают мужчины, которые покупают безопасность квадратными метрами. Но вместо этого оглядел пустую гостиную с видом на чужой сияющий город и понял, что не знает. Деньги умели покупать стены. Детство — нет.

Банк с золотом стал для него первой большой публичной ложью, рассказанной ради правды. Всё выглядело прозрачно: хранилище, аудиторские отчёты, камеры, приглашённые эксперты, журналисты с аккуратными вопросами. Но вся прозрачность держалась на тайне, которую нельзя было произнести. Гена смеялся: «Богатые любят, когда им показывают блестящее. Им спокойнее». Андрей не смеялся. Он видел, как люди в дорогих костюмах смотрят на слитки — не как на металл, а как на разрешение верить. Мир, оказывается, был устроен не сложнее двора: покажи сильным то, чего они боятся потерять, и они сами принесут тебе свою осторожность.

Новая квартира оказалась слишком просторной для людей, которые привыкли проходить боком между коробками и детскими велосипедами. Первые дни в ней всё звучало неправильно: шаги отдавались эхом, двери закрывались мягко и дорого, лифт приезжал без скрипа. Соня радовалась комнате с окном во двор, Мишка проверял, можно ли бегать по коридору кругами, а Андрей всё время считал: расстояние до подъезда, время выхода охраны, слепые зоны камер, соседние квартиры. Он не выбирал дом. Он выбирал периметр.

Марина заметила это сразу. Вечером она положила на стол план квартиры, где Андрей красным карандашом отметил тревожные кнопки и маршруты отхода. Рядом лежал другой лист — её список: шторы, лампы, ковёр в детскую, полка для книг, нормальная посуда вместо той, что годами переезжала с ними в коробках. Два списка лежали рядом как два разных будущих. Андрей сказал, что безопасность сейчас важнее. Марина не спорила. Она только подчеркнула в своём списке слово «ковёр» и произнесла: «Дети не должны помнить этот переезд

как эвакуацию». Он рассердился, потом понял, что она права, и впервые за день вычеркнул из своего плана один лишний пост охраны.

В банке всё было наоборот: там от него ждали не дома, а символа. Переговорная пахла кофе, кожей и дорогими духами. Управляющий улыбался так, будто перед ним сидел не человек, а новая природная константа. Андрей показывал документы, Гена привёз образцы, юристы говорили про процедуры, а сам он думал о том, что любой официальный счёт превращает тайну в след. Деньги давали возможность строить защиту, но делали его видимым. Когда договор подписали, Гена хлопнул его по плечу и сказал: «Ну всё, богатеем». Андрей ответил: «Нет. Теперь нас легче найти».

Утром Андрей всё-таки заказал ковёр в детскую. Небольшой, с дорогами и домиками, совершенно бесполезный с точки зрения безопасности. Когда Мишка сел на него с машинками, Андрей впервые за долгое время понял: иногда самая важная инвестиция не защищает от угроз, а возвращает нормальность.

Переезд в столицу оказался не бегством, а сменой масштаба. В старом городе Андрей ещё мог представить себя человеком, который случайно оказался рядом с чудом. В столице случайность исчезала. Здесь каждое действие немедленно обрастало договором, охраной, слухом, выгодой. Даже покупка мебели превращалась в задачу безопасности: кто доставляет, кто поднимает, кто знает адрес, кто видел план квартиры. Марина смотрела на это всё молча, пока однажды не сняла с двери новый электронный замок и не положила его на стол.

— Я не против защиты, — сказала она. — Я против того, чтобы дети начинали день с кодов доступа.

Андрей тогда впервые попытался объяснить ей не угрозу, а собственную беспомощность перед ней. Если он ошибётся в коде, в маршруте, в человеке на входе — беда придёт не к нему, а к ним. Марина выслушала и ответила, что страх за семью не даёт права превращать семью в объект охраны. Вечером они вместе выбрали простой замок на детскую дверь: не от врагов, а чтобы Соня могла закрыться, когда ей нужно побыть одной. Маленькое право на уединение стало первым нормальным правилом в новой квартире.

Позднее он будет вспоминать этот период как время, когда деньги впервые показали свою двойную природу. Они открывали двери, нанимали лучших, покупали тишину и скорость. Но рядом с каждой открытой дверью появлялась новая щель, через которую мог посмотреть чужой человек. Богатство не решало страх. Оно только делало страх просторнее.

В эту же ночь он впервые написал для себя короткую формулу: «дом не должен быть приложением к охране». Формула казалась простой, но именно с неё началась медленная работа над тем, чтобы новая жизнь не съела старую семью полностью.

В новой квартире столица первое время звучала сквозь стены: лифты, чужие шаги, дальние сирены, гул трассы за окнами. Дети просыпались чаще обычного, Марина раскладывала вещи так аккуратно, будто порядок в шкафах мог заменить прежний дом. Андрей заметил это только на третий день, когда Соня спросила, зачем им теперь столько охраны, если папа всё равно сильнее всех. Он не нашёл правильного ответа. Пришлось сказать честно: сила не делает человека внимательнее. Иногда наоборот — заставляет его пропускать то, что происходит совсем рядом.

В офисе Андрей быстро запретил себе одно удовольствие: входить в переговорную последним, когда все уже встали. Сначала это казалось мелочью, почти детской гордостью человека, который неожиданно стал богат. Потом он понял, как легко помещение перестраивается вокруг того, кто платит. Секретари меняют голос, юристы выбирают безопасные слова, подрядчики улыбаются раньше, чем слышат вопрос. Он начал приходить заранее и садиться у края стола. Это не отменяло власти, но мешало ей становиться спектаклем.

В первый месяц Андрей почти не спал. Днём — встречи, документы, охрана, строительство цепочек. Ночью — мастерская, первые партии металла, расчёты пределов. Под утро он

возвращался домой и стоял у детской, слушая дыхание сына и дочери. Именно там богатство каждый раз теряло магию. Перед спящими детьми оно снова становилось инструментом, не более. И если инструмент однажды потребует отдать за себя их спокойствие, значит, инструмент уже начал владеть хозяином.

Глава 6. Ланской

Банк стал первой частью новой жизни Андрея, которую невозможно было спрятать.

Золото можно было плавить за закрытыми дверями. Производственные объёмы — распределять между предприятиями. Документы — пропускать через юристов, аудиторов и цепочки компаний. Даже необычную эффективность «Радомета» ещё можно было объяснить модернизацией, новыми методами переработки и удачными контрактами.

Банк жил на виду.

У него были вывески, приложения, отделения, публичная отчётность и сотни тысяч клиентов, которые каждый день видели фамилию Зорина в деловых новостях. Банк рос быстрее прогнозов, переманивал сильных специалистов, кредитовал предприятия, мимо которых старые игроки проходили годами, и предлагал условия, на которые конкуренты отвечали сначала насмешками, потом жалобами, а затем собственными срочными изменениями.

Андрей не собирался воевать с банковским рынком. Он просто видел его слабые места.

Большие банки слишком медленно принимали решения. Их руководители боялись ошибки сильнее, чем упущенной возможности. Каждый новый продукт проходил столько согласований, что успевал устареть до запуска. Андрей выстроил систему иначе: короткие цепочки управления, единая цифровая платформа, автоматическая проверка рисков и команды, которым не требовалось по три недели, чтобы получить подпись начальника.

То, на что другим понадобилось бы несколько лет, его банк делал за месяцы.

Камень не подсказывал Андрею готовых решений. Он не нащёптывал правильные цифры и не превращал его в ясновидца. Но рядом с ним голова работала иначе. Андрей быстрее находил связи, удерживал в памяти десятки факторов и видел последствия решения раньше, чем остальные успевали сформулировать сам вопрос.

Он старался не пользоваться этим небрежно.

Любой расчёт перепроверяли обычные аналитики. Любую гипотезу прогоняли через модели. Андрей не хотел, чтобы банк зависел от того, что невозможно объяснить совету директоров и записать в инструкцию. Если решение было верным, оно должно было выдерживать проверку без ссылки на человека, проглотившего камень.

И пока система выдерживала.

В тот день Андрей закончил совещание раньше запланированного. Руководители направлений ещё собирали планшеты, когда на экране его телефона появился неизвестный номер.

Он обычно не отвечал на такие звонки. Личный номер знали только семья, несколько сотрудников и Гена. Всё остальное проходило через помощников.

Но звонок повторился сразу после сброса.

Андрей посмотрел на экран и вышел из переговорной.

— Слушаю.

— Андрей Сергеевич?

Голос был мужской, спокойный, без торопливости и привычной телефонной улыбки.

— Да.

— Меня зовут Леонид Павлович. Я представляю Виктора Аркадьевича Ланского. Он хотел бы с вами познакомиться.

Имя Андрей слышал.

Не в новостях и не на деловых конференциях. Оно несколько раз всплывало в разговорах людей, которые хорошо понимали устройство крупного бизнеса, но каждый раз произносилось вполголоса и без подробностей.

— По какому вопросу?

— Виктор Аркадьевич предпочитает обсуждать вопросы лично.

— Я тоже предпочитаю понимать, зачем иду на встречу.

На другом конце возникла короткая пауза. Не растерянная. Скорее собеседник отметил ответ и положил его в нужную ячейку.

— Речь пойдёт о дальнейшем развитии вашего банка и о возможностях, которые открываются перед вами в связи с его ростом.

— Передайте Виктору Аркадьевичу, что предложения можно направить в банк.

— Это не тот разговор, который стоит вести через банк.

Человек говорил вежливо, но уже после первых фраз Андрей понял: время и место определены заранее. Его не спрашивали, хочет ли он встретиться. Ему давали возможность согласиться без демонстрации принуждения.

— Когда?

— В среду, в восемь вечера. Адрес сейчас придёт сообщением. Машину присылать не будем. Виктор Аркадьевич понимает, что вы предпочитаете самостоятельно распоряжаться своими перемещениями.

Это было сказано как любезность, но прозвучало иначе.

Они знали, что Андрей ездит сам.

— Я понял.

— Благодарю. Хорошего дня, Андрей Сергеевич.

Звонок закончился.

Через несколько секунд пришло сообщение с адресом ресторана в центре столицы и номером закрытого зала.

Андрей вернулся в переговорную, но продолжать совещание не стал. Отпустил руководителей, закрыл дверь и открыл защищённый канал связи с директором службы экономической безопасности банка.

— Соберите всё, что возможно, по Виктору Аркадьевичу Ланскому.

— Срок?

— Сегодня.

— Открытые источники?

— Для начала. Потом всё остальное, что можно получить законно и без лишнего шума. Собеседник кивнул.

— Повод?

— Он пригласил меня на ужин.

Выражение лица безопасника изменилось.

Совсем немного, но Андрей заметил.

— Тогда я бы не ограничивался открытыми источниками.

— Поэтому и позвонил.

Первые материалы пришли через два часа.

Официально Ланской почти ничем не владел.

У него был семейный инвестиционный фонд, несколько объектов недвижимости, доли в двух производственных компаниях и место в попечительском совете крупного университета. Состояние выглядело большим, но не исключительным. В деловой прессе его называли инвестором старой школы, меценатом и человеком, который редко даёт интервью.

Неофициальная картина была другой.

От Ланского расходились связи в металлургии, энергетике, строительстве, логистике и банковском секторе. Не прямые доли, а доверенные люди, фонды, совместные компании, кредиты, семейные связи и обязательства, которые нигде не фиксировались одним документом.

В нескольких зарубежных проектах его фамилии не было вовсе, но люди, представлявшие интересы местных компаний, раньше работали в его структурах. Два банка, формально не связанные с Ланским, кредитовали одни и те же предприятия на почти одинаковых условиях.

Крупные чиновники после ухода со службы оказывались в наблюдательных советах компаний, которые получали контракты от его партнёров.

Чем дальше аналитики отходили от официальной биографии, тем больше становилась фигура.

При этом почти нигде не находилось ничего, что можно было бы положить на стол прокурору или журналисту.

Только повторяющиеся совпадения.

Упрямый владелец региональной сети отказывался продавать бизнес — через несколько месяцев его компанию начинали проверять одновременно пять ведомств. Конкурент выигрывал важный тендер — банк внезапно пересматривал кредитную линию. Один из партнёров Ланского попадал под расследование — дело меняло направление, а следователь получал повышение в другом городе.

Ни одного прямого приказа.

Ни одной подписи.

Только мир, который слишком часто складывался удобным для одного человека образом.

К вечеру директор безопасности прислал краткое заключение:

«Ланской не занимается захватом бизнеса в обычном смысле. Он входит в быстрорастущие структуры через предложение поддержки, затем получает влияние на стратегические решения. После его вхождения прежние собственники формально сохраняют доли, но теряют самостоятельность. Отказы приводили к системному давлению через регуляторов, кредиторов, контрагентов и информационные ресурсы».

Ниже стояла отдельная строка:

«Рекомендация: не отказываться от встречи до выяснения намерений».

Андрей перечитал её дважды.

От встречи он и не собирался отказываться. Ему нужно было увидеть человека, который решил, что может войти в его бизнес без приглашения.

Домой Андрей приехал позже обычного.

Марина сидела в гостиной с ноутбуком. Дети уже разошлись по комнатам: Мишка делал уроки, Соня разговаривала с кем-то из подруг, периодически переходя на громкий шёпот, который был слышен во всей квартире.

— Ты ужинал? — спросила Марина.

— В банке.

Она закрыла ноутбук.

— Что случилось?

Андрей снял пиджак и повесил его в шкаф. Отвечать из прихожей не хотелось. Он прошёл в гостиную, сел напротив неё и показал сообщение с адресом ресторана.

Марина прочитала.

— Кто такой Ланской?

— Человек, у которого официально почти ничего нет, а неофициально слишком много.

— Он хочет вложиться в банк?

— Думаю, хочет войти в него так, чтобы потом не выходить.

Марина вернула телефон.

— Можно отказаться?

— Можно сказать, что отказываюсь.

— Я спросила не это.

Андрей посмотрел на закрытую дверь детской.

— Пока не знаю.

Марина тоже посмотрела в ту сторону.

— Он знает про нас?

— Скорее всего, знает всё, что можно собрать без проникновения в дом. Где мы живём, где учатся дети, какими маршрутами я езжу.

— У нас есть охрана банка.

— В офисе. И на объектах.

— А здесь?

Андрей не ответил.

До этого момента он воспринимал безопасность как часть бизнеса. Камеры, пропуска, контроль производства, охрана хранилищ, проверка сотрудников. Семья оставалась за границей этой системы. Не потому, что он считал её неважной. Наоборот. Ему казалось, что чем меньше вокруг Марины и детей людей с рациями и оружием, тем дальше они от его тайн.

Теперь эта логика перестала казаться надёжной.

— Сначала встречусь с ним, — сказал Андрей. — Потом решим.

Марина поднялась.

— Нет. Потом решать будешь ты. А сейчас мы уже знаем, что человек с такими возможностями заинтересовался банком и изучил тебя достаточно, чтобы знать, как ты едешь. Значит, часть решения нужно принять до встречи.

— Какую?

— Хотя бы предупредить водителя Мишки и школу Сони, что детей могут забирать только те, кто есть в списке. И изменить коды доступа в доме.

Андрей хотел сказать, что это лишнее. Что Ланской не похититель и не уличный преступник. Что люди такого уровня действуют иначе.

И тут же понял, насколько глупо звучала бы эта фраза.

— Хорошо, — сказал он. — Сделаем сегодня.

Марина кивнула, но спокойнее не стала.

— И ещё.

— Что?

— Не пытайся напугать его тем, что умеешь.

Андрей посмотрел на неё.

— Я не собирался.

— Собирался хотя бы подумать.

Он промолчал.

Марина знала его слишком хорошо.

В среду Андрей приехал к ресторану за десять минут до назначенного времени.

Здание находилось на набережной, в стороне от основных деловых маршрутов. На первом этаже не было ни вывески, ни стойки бронирования. Только просторный холл и администратор, который назвал Андрея по имени до того, как тот успел представиться.

— Виктор Аркадьевич ожидает вас.

Телефон попросили не сдавать. Это было почти демонстративно: хозяин встречи хотел показать, что не боится записи.

Администратор провёл Андрея к лифту. Двери открылись на верхнем этаже, где находился единственный зал с панорамными окнами. За стеклом темнела река, по набережной двигались машины, а город казался аккуратной схемой из света.

Ланской сидел за столом один.

Он оказался не похож на человека, способного одним звонком остановить завод или запустить проверку банка. Невысокий, подтянутый, с коротко подстриженными седыми волосами. Костюм дорогой, но неброский. На столе — тонкая папка, стакан воды и два прибора. Ни охраны, ни помощников в зале не было.

— Андрей Сергеевич.

Ланской поднялся и протянул руку.

— Виктор Аркадьевич.

Рукопожатие было коротким и обычным.

— Спасибо, что приехали.

— Ваш помощник сумел объяснить, что встреча важная.

Ланской улыбнулся.

— Леонид иногда путает убедительность с давлением. Старое профессиональное заблуждение.

Он указал на кресло.

— Присаживайтесь. Надеюсь, вы не против, что я заказал ужин заранее. Здесь хорошо готовят рыбу.

— Не против.

Официант вошёл почти сразу, поставил блюда и исчез, не задав ни одного вопроса.

Ланской не торопился переходить к делу. Спросил о переезде, о столице, о том, привыкли ли дети к новым школам. Говорил мягко, без нажима, словно между ними действительно происходило обычное знакомство двух предпринимателей.

Но Андрей слышал главное: Ланской не спрашивал, есть ли у него дети и переехала ли семья. Он уже знал ответы.

— Ваш банк производит впечатление, — сказал Ланской, когда официант вышел. — Особенно темп.

— Мы нашли свободное место на рынке.

— Свободных мест на таком рынке не бывает. Бывают места, которые кто-то временно не удерживает.

— Значит, мы удержали быстрее.

Ланской слегка улыбнулся.

— Именно это мне в вас и нравится. Вы не изображаете скромность. Многие на вашем месте начали бы говорить про команду, обстоятельства и удачу.

— Команда у меня сильная. Обстоятельства были разные. На удачу я не рассчитываю.

— И правильно.

Ланской отложил вилку.

— Вы построили интересную конструкцию. Промышленная группа, банк, хорошие отношения с несколькими региональными администрациями. Деньги движутся внутри системы, предприятия получают финансирование, банк — надёжных заёмщиков. Всё выглядит разумно.

Андрей не спросил, откуда у него сведения о внутренних связях. Ответ был очевиден: отовсюду.

— Но? — спросил он.

— Но вы выросли слишком быстро.

— Это нарушение?

— Это заметность.

Ланской сделал глоток воды.

— Пока человек владеет одним заводом, его проблема — конкуренты. Когда у него появляется банк, его проблемой становится среда. Регуляторы. Крупные государственные клиенты. Корреспондентские отношения. Информационный фон. Политические риски. Люди, которые не хотят, чтобы кто-то без согласования входил на их территорию.

— На чью именно территорию я вошёл?

— На несколько сразу.

— На вашу?

Ланской не обиделся.

— Частично.

— Тогда говорите прямо.

— Я и говорю.

Он положил ладонь на папку, но не открыл её.

— Вам нужна опора. Человек, который сможет остановить часть вопросов до того, как они станут проблемами. Обеспечить правильный разговор с регуляторами, доступ к крупным проектам, международные связи. Сделать так, чтобы рост банка воспринимали не как вторжение неизвестного игрока, а как развитие понятной группы.

— Вашей группы.

— Группы, в которой учитывают мои интересы.

— Что вы хотите взамен?

— Долю в банке.

— Какую?

— Достаточную, чтобы моё участие имело смысл.

— Это не ответ.

Ланской снова улыбнулся, но теперь в улыбке не было тепла.

— Стратегический пакет. Один представитель в совете. Согласование крупных сделок. Совместное решение по выходу на зарубежные рынки.

Андрей уже видел дальнейшую схему.

Сначала один представитель. Затем кредитные линии компаниям Ланского. Потом общие проекты, обязательства, взаимные гарантии. Через несколько лет банк сохранит название и фамилию основателя, но решения будут приниматься в другом месте.

— Вы хотите контролировать банк.

— Контроль — грубое слово.

— Но точное.

— Я хочу, чтобы ваши интересы не столкнулись с интересами людей, которых вы пока даже не знаете.

— А если столкнутся?

Ланской несколько секунд смотрел на него.

— Тогда начнут происходить случайности.

Он произнёс это без угрозы. Так врач мог бы сообщить о возможном осложнении.

— Какие?

— Самые обычные. Проверка, которую невозможно быстро закрыть. Вопрос к источникам капитала. Несколько крупных клиентов одновременно решают вывести средства. Зарубежный банк задерживает расчёты. Журналист получает документы, подлинность которых вы будете опровергать уже после публикации. Ничего незаконного. Ничего, что нельзя пережить по отдельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.